РОДИНА

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія

№ 8. 20-го Февраля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА": МОСКВА, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

ПОЯВЛЕНІЕ въ княжемъ домѣ молодой барышни Зоричъ со свитой, т. е., съ дюжинами двумя собственныхъ крѣпостныхъ и дворовыхъ, сразу замѣтно отозвалось на всемъ и на всѣхъ. Жизнь пошла отчасти на другой ладъ.

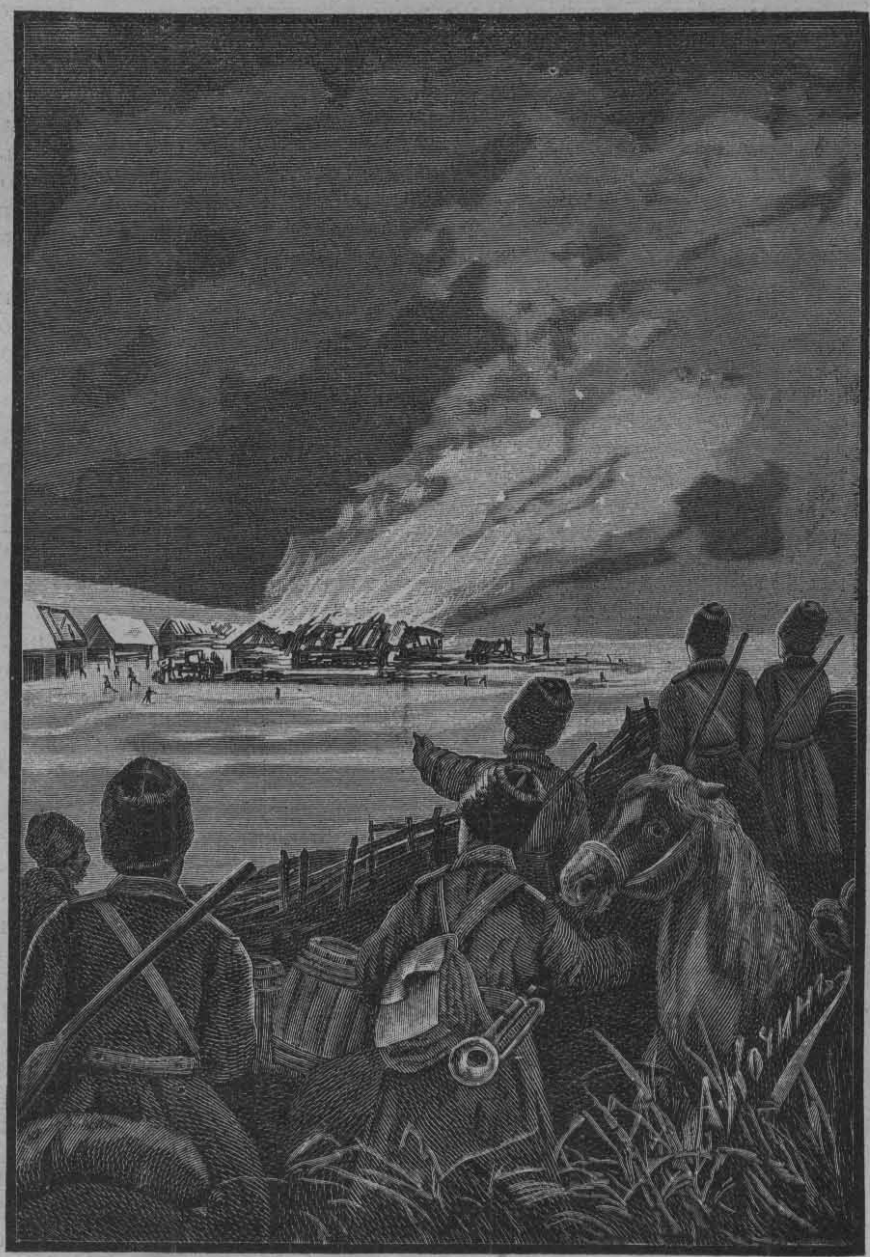
Князь объявилъ, что онъ, какъ опекунъ, обязанъ веселить молоденькую питомицу, имъ опекаемую. И, чтобы ее веселить, онъ снова началъ давать пиры, большіе обѣды и ужины. И вообще, ради увеселенія опекаемой, князь снова, какъ когда-то, нѣсколько лѣтъ назадъ, сталъ тратить большія деньги. Такъ какъ все дѣлалось для Мариночки, то, разумѣется, и деньги, шедшія на все, брались изъ ея средствъ. Разумѣется, вся Москва тоже отлично поняла тактику князя Ягузинскаго и усмѣхалась.

— Ну, живехонько протретъ онъ глазки ея денежкамъ! — говорили всѣ.

Черезъ недѣли двѣ по пріѣздѣ, князь уже далъ большой балъ и представилъ гостямъ, чуть не всему столичному дворянству, свою питомицу. Разумѣется, робкая, упорно молчащая, какъ настоящій дичокъ, дѣвушка страшно понравилась всѣмъ. Ее находили не только красивой, не только умной, но и краснорѣчивой. Нашлись люди, которые хвастались, что если она съ кѣмъ молчитъ, то съ ними говоритъ много. Въ особенности восхищались Мариночкой тѣ дворяне, у которыхъ были взрослые сыновья-женихи.

Вскорѣ всѣ подробно и точно узнали, какое состояніе у молоденькой дѣвушки-сиротки. И оказалось, что въ Москвѣ такой невѣсты давнымъ-давно не бывало.

— Мало, что богата—ни одной копеечки никакого долга нѣтъ. А главная сила въ томъ, что кругомъ сирота. Же-



ПРЕДЪ СОЖЖЕННОЙ ЯПОНЦАМИ ДЕРЕВНЕЙ. Ориг. рисун. А. Кочина; гравир. для „Родины" Б. Пуцъ.

нись на ней молодецъ, не будетъ у него ни тестя, ни тещи, ни всякихъ родственниковъ, съ которыми надо возжаться и ладить. А тутъ прямо ее одну, дѣвочку, получай вмѣстѣ со всѣми ея тысячами.

И хотя князь съ первыхъ-же дней упорно и довольно искусно скрывалъ размѣры состоянія молоденькой Зоричъ, тѣмъ не менѣе, то, что всѣ узнали, было тоже не въ примѣръ крупнымъ приданымъ. Всякій, говоря съ княземъ, считалъ долгомъ прибавить:

— А дѣвочку-то вамъ надо замужъ выдать, хорошаго мужа ей выискать.

Иногда это говорилось искренне, безъ всякой цѣли, иногда-же нѣсколько ехидно.

Князь хитро усмѣхался и отвѣчалъ:

— Конечно, пора ей замужъ.

А самъ про себя онъ думалъ:

„Должно быть? Дурака нашли!.. Стану я спѣшить“.

Пріѣзжіе дворовые молодой барышни вскорѣ-же подружились съ нѣкоторыми дворовыми князя, и, конечно, начались взаимные опросы и розсказни. То, что дворня князя узнавала, доходило до него самого и до княгини черезъ Евсѣича и черезъ Лисафу. То, что узнавали дворовые молодой дѣвушки, передавалось Патрикѣевнѣ, но дальше не шло, потому что Мариночка совершенно не любопытствовала узнавать что-либо. Единственно, что могло-бы ее обрадовать, была-бы вѣсть о томъ, что она ѣдетъ обратно къ себѣ въ имѣніе, гдѣ прожила со дня рожденія.

Вскорѣ всѣ въ домѣ смотрѣли на молодую барышню, какъ на нѣчто особенное, нѣчто не существующее, какъ на какую-то тѣнь. Это былъ даже не ребенокъ, у котораго все-таки бываютъ какіе-либо желанія, порывы, хотя-бы капризы. Маріанна Павловна молчала и молчала, изрѣдка улыбалась и изрѣдка отвѣчала „да“ или „нѣтъ“.

Однако, всѣ знали, что съ Патрикѣевной она болтаетъ безъ умолку, „заливается жаворонкомъ“, по выраженію той-же ея мамки, и отводитъ съ ней душу. Разумѣется, между ними постоянно былъ разговоръ только о двухъ вещахъ: нельзя-ли уѣхать изъ Москвы и поселиться на житье въ „Новосельѣ“, и если можно, то когда это будетъ. Второе, о чемъ часто говорила Патрикѣевна, былъ вопросъ о замужествѣ.

Если не умная, то хитрая Патрикѣевна отлично понимала и хорошо объясняла своему дитяткѣ, что, во-первыхъ, замужество будетъ счастьемъ, а во-вторыхъ, оно дастъ Мариночкѣ и самостоятельность. Первое, что она можетъ сдѣлать, выйдя замужъ, это — поѣхать съ мужемъ въ „Новосельe“.

— Ты вотъ теперь много народа видишь, много молодцовъ московскихъ, ты поглядѣла-бы: можетъ быть, тебѣ какой и приглянется. А за кого ты пожелаешь, то за того всегда выйдешь. Мнѣ сказывали здѣсь въ домѣ многіе, что такихъ невѣстъ богатыхъ, какъ ты, въ Москвѣ-то нѣту. Я, дура, думала, сидя въ нашемъ „Новосельѣ“, что такихъ невѣстъ, какъ ты, видимо-невидимо на Руси, а здѣсь-то вотъ сказываютъ, что такихъ и нѣтъ совсѣмъ. Выходитъ, что ты — страшнѣющая богачка.

Мариночка, всегда во всемъ соглашавшаяся со своей Патрикѣевной, которую обожала, только объ одномъ всегда спорила съ ней, именно, о замужествѣ.

Между тѣмъ, старуха Патрикѣевна съ первыхъ-же дней по пріѣздѣ въ Москву увидѣла самое себя въ новомъ, исключительномъ положеніи. При жизни старика Зорича она была въ усадьбѣ почитаема за то, что молодая барышня ее любитъ, но все-таки была на положеніи простой нянюшки и сидѣла со своей питомицей зимою въ ея комнатахъ, лѣтомъ — въ саду, ни во что, конечно, въ домѣ не вмѣшиваясь, и въ извѣстномъ смыслѣ не имѣла никакого значенія.

Здѣсь, въ домѣ князя Ягузинскаго, да еще въ городѣ, въ столицѣ, Патрикѣевна вдругъ замѣтила что-то вокругъ себя, что ей польстило. Поразмысливъ, она поняла, что ея положеніе сразу совершенно измѣнилось, — она стала чѣмъ-то въ родѣ барыни или въ родѣ родственницы молоденькой дѣвушки. Не только старая дворня, не только самые пожилые крѣпостные, не только нахлѣбники и приживальщики, но и многіе изъ знакомыхъ Ягузинскихъ, старинные дворяне, ласково разговаривали съ Патрикѣевной, дарили ей всякую мелочь и звали къ себѣ въ гости. Когда-же Патрикѣевна являлась въ гости, то все семейство — старики и молодые — обращались съ ней болѣе чѣмъ ласково, какъ-будто заискивали, какъ-будто всячески старались, чтобы она ихъ полюбила.

Разумѣется, Патрикѣевна вскорѣ-же смекнула, что это изъ-за Мариночки. Она сразу увидѣла, что тѣ дворяне особенно ухаживаютъ за ней, у которыхъ сыновья-женихи.

Въ домѣ болѣе всѣхъ была ласковой съ Патрикѣевной барская барыня Елизавета Давыдовна. Она чуть не всякій день звала Патрикѣевну къ себѣ въ гости или сама бывала у нея и уже успѣла подарить ей красивую матерію на платье, подарокъ княгини, а затѣмъ цѣлую банку любимой сласти старухи — калужскаго тѣста.

Но, несмотря на то, что Патрикѣевна съ удовольствіемъ кушала калужское тѣсто съ чаемъ, она все-таки мысленно сознавалась, а равно говорила Мариночкѣ, что эта Лисафа не по душѣ ей.

— Добрая чрезмѣрно, — говорила Патрикѣевна, — прямо золото, да вотъ чую я что-то такое, не лежитъ у меня душа къ ней. Михаилъ Михайловичъ ея ничего, человѣкъ сердечный, а вотъ ужъ сынокъ, Абрашка, то этотъ — отчаянная башка, да и злюка, и пьяница, и кутила.

Одновременно Патрикѣевна познакомилась съ Анной Тихоновной Завьяловой и быстро подружилась съ ней. Въ обѣихъ женщинахъ, очень пожилой и старухѣ, было что-то общее. Ихъ влекло другъ къ другу! Тихая, сердечная, прямая и правдивая Анна Тихоновна всѣмъ нравилась, а такой старухѣ, какъ Патрикѣевна, должна была понравиться еще пуще, такъ какъ она ненавидѣла людей кривыхъ и двоедушныхъ.

Между тѣмъ какъ Лисафа бывала постоянно въ гостяхъ у Патрикѣевны, Завьялова была всего только одинъ разъ. Зато Патрикѣевна бывала изрѣдка и какъ-бы поневолѣ у Башкировыхъ и почти всякій день по цѣлымъ вечерамъ сидѣла у Завьяловыхъ. Вмѣстѣ съ Анной Тихоновной Патрикѣевнѣ сильно нравился и ея сынъ.

По странной случайности, бѣлокурый, голубоглазый, добрый, съ мягкимъ голосомъ, Никуша невѣроятно напоминалъ старухѣ племянника, сына сестры ея, давно умершаго. Старуха когда-то обожала этого племянника и долго горевала, когда тотъ внезапно умеръ. И вдругъ здѣсь, въ Москвѣ, въ домѣ князя Ягузинскаго, она встрѣтила однажды въ корридорѣ своего племянника — и даже ахнула, испугалась.

Эта маленькая случайность имѣла, собственно, огромное значеніе. Патрикѣевна съ первыхъ дней знакомства съ Завьяловыми стала любить молодого Никиту Григорьевича. Конечно, вскорѣ-же она узнала, кто онъ такой, узнала, что его фамилія — Узинскій,

что по батюшкѣ онъ Григорьевичъ, такъ, какъ звали родного брата князя, что молодой человѣкъ — не по закону, а по крови родной племянникъ князя и, наконецъ, узнала, что онъ былъ-бы князь Ягузинскій, если-бы покойникъ успѣлъ жениться на Аннѣ Тихоновнѣ.

По обычаю, господа бывали въ гостяхъ у своихъ приживальщиковъ только по особому случаю — въ день рожденья или именинъ, или въ большіе праздники. Поэтому и барышня Маріанна Павловна не могла бывать въ гостяхъ у приживальщиковъ князя. Но такъ какъ Завьялова съ братомъ и сыномъ были на особомъ положеніи, какъ-бы полупризнанные родственники, то князь и княгиня изрѣдка бывали у нихъ въ гостяхъ. Поэтому теперь и Мариночка могла себѣ позволить бывать у Завьяловыхъ вмѣстѣ съ Патрикѣевной.

И уже два раза была молоденькая дѣвушка въ гостяхъ вечеромъ у доброй Анны Тихоновны, которая ей очень понравилась, и во второй разъ настолько почувствовала себя у нихъ пріятно и хорошо, что заговорила, а подъ конецъ вечера, по выраженію Патрикѣевны, „залилась жаворонкомъ“.

XVII.

Однако, вскорѣ послѣ этого Патрикѣевна была вызвана къ княгинѣ и та объяснила ей, что она, старая, дѣлаетъ глупости, и если будетъ продолжаться такъ, то ее отправятъ въ „Новоселье“. Княгиня объявила, что Мариночкѣ не благоприлично бывать въ гостяхъ у такой семьи, гдѣ дочерей-дѣвочекъ нѣтъ, а только одинъ молодецъ-сынъ. Однимъ словомъ, княгиня запретила Мариночкѣ бывать въ гостяхъ у Завьяловыхъ.

Это было первое распоряженіе въ отношеніи къ молодой дѣвушкѣ, которое заставило ее припечалиться. До сихъ поръ никто еще ей ничего непріятнаго не сдѣлалъ.

Единственные люди, которые ей нравились въ домѣ, были именно Завьяловы. Единственный молодой человѣкъ, первый въ жизни молоденькой дѣвушки, который ей какъ-будто приглянулся, былъ именно этотъ Узинскій. Наружность-ли добродушнаго молодого человѣка и его кротость и скромность такія-же, какъ и въ ней самой, или-же краснорѣчивое превознесеніе до небесъ Никуши старухою Патрикѣевной, — что подѣйствовало, трудно было сказать.

Вскорѣ послѣ того, какъ княгиня запретила Патрикѣевнѣ бывать съ питомицей въ гостяхъ у Завьяловыхъ, она-же разрѣшила имъ бывать въ гостяхъ у Башкировыхъ. Патрикѣевна тихо и любезно замѣтила княгинѣ, что у Башкировыхъ тоже нѣтъ дочери, а только одинъ молодецъ-сынъ, стало быть, все то-же, что и Завьяловы. Княгиня вспыхнула и коротко выговорила:

— Не твоего ума это дѣло. Больно ты прытка. Заруби себѣ на носу, старая, что я не люблю, когда мнѣ отвѣчаютъ.

— А какъ-же, матушка ваше сіятельство, — простодушно отозвалась Патрикѣевна, — какъ-же быть, коли вы что спросите, — стало быть, молчать?

— Ты, голубушка, или совсѣмъ дура, или лиса-патрикѣевна.

— Гдѣ мнѣ, что вы, ваше сіятельство, какая я лиса? Лисафа ваша скорѣе лиса.

Княгиня насупилась, помолчала, а потомъ выговорила:

— Ну, а въ „Новоселье“ ѣхать на жительство тебѣ хотѣлось-бы?

— Съ Мариночкой я на край свѣта поѣду.

— Нѣтъ, не съ нею, а одна пожелала-бы ѣхать?

— Помилуй Богъ! — вскрикнула Патрикѣевна, — не доѣду до мѣста, покончу съ собой. Повѣшусь либо утоплюсь по дорогѣ въ какой-нибудь рѣчкѣ.

— Ну, такъ вотъ заруби себѣ все это на носу.

И въ тотъ-же вечеръ княгиня объяснилась съ мужемъ, говоря, что надо понемножку пріучить Мариночку къ тому, что ея старуху-няню отъ нея возьмутъ и отправятъ.

— Человѣкъ это вредный, — сказала княгиня, — тихоня, а, собственно, она по своему имени лиса-патрикѣевна.

Князь горячо возсталъ противъ этого мнѣнія. Онъ сталъ доказывать женѣ, что старуха, напротивъ, женщина добрая, очень глуповатая и хитрить не въ состояніи. Что-же касается до Мариночки, то Патрикѣевна ее такъ любитъ, какъ родная мать не можетъ любить. Да и сама дѣвушка безъ своей няни жить не можетъ.

— Съ ней надо быть осторожнымъ, — сказалъ князь. — Я давно приглядываюсь къ ней. Маленькое совсѣмъ дитя — тихенькая, молчитъ, какъ убитая, а сама все думаетъ. И вотъ, не дивись, матушка, если я тебѣ скажу насчетъ Мариночки пословицу: „въ тихомъ омутѣ черти водятся“. Обойдись съ ней крутенько, бѣду наживешь. А ты не забудь, въ случаѣ какой бѣды, на матушкѣ-Москвѣ дымъ коромысломъ пойдетъ. Да и какъ еще все повернется. Можетъ такъ повернуться, что пойдутъ тайные жалобы, доносы, кляузы въ самый Петербургъ и меня отъ опеки отстранятъ. Скажутъ, что я тиранствую и дѣвочку извожу. Надо быть осторожнѣе. Первое надо, чтобы она была довольна своею жизнью у насъ домѣ, чтобы не глядѣла, какъ волкъ въ лѣсъ. Я всячески стараюсь, насколько умѣю, да и тебя тоже попрошу; ты, матушка, умнѣе меня, потому сумѣешь и то сдѣлать, чего я надумать не смогу. И первое дѣло намъ нужно, чтобы эта Патрикѣевна насъ тоже любила и дѣвочку противъ насъ не науськивала. Мариночка не только дѣлаетъ все, что Патрикѣевна захочетъ, а и мысли-то всѣ не ея собственныя, а у Патрикѣевны взаймы взяты. Нѣтъ, матушка, вѣрно тебѣ говорю, намъ надо быть осторожными и со старухой, да и съ дѣвочкой.

Княгиня ничего не отвѣтила, но мысленно согласилась, что мужъ совершенно правъ.

— Самое главное, — продолжалъ князь, — одно, или, лучше скажемъ, самыхъ главныхъ два дѣла: первое дѣло — мы должны всячески ублажать старуху и дѣвочку: одну одаривать да ласкать, а другую — веселить, чтобы онѣ насъ любили, чѣмъ больше, тѣмъ лучше; а второе дѣло — надо всячески отмахиваться отъ молодцовъ-жениховъ, а, какъ кого замѣтимъ, такъ сейчасъ его въ три шеи. А то вдругъ, помилуй Богъ, влѣпится дѣвочка въ какого-нибудь молодца, да и захочетъ замужъ.

— Мало что захочетъ — рѣзко отвѣтила княгиня, — а мы не отдадимъ. И думать-то объ этомъ запретимъ.

— Эхъ, матушка! умная ты, а разсуждаешь вкривь и вкось. Ты не слыхала, что-ли, никогда о томъ, что это такое значитъ „самокрутка“?

— Самокрутка? — повторила княгиня. — Слыхала. Такъ, вѣдь, это-же бываетъ разъ въ десять лѣтъ, да и то, полагать надо, изъ трехъ самокрутокъ двѣ ничѣмъ не кончаются — въ монастырь разсылаютъ и мужа, и жену за самовольство.

— Это, матушка, только въ Петербургѣ такіе случаи бывали, что молодца сошлютъ въ монастырь, а молодуху въ другой: для этого надо хлопотать у

властныхъ лицъ и имѣть всякіе ходы до самой до царицы. А обвѣнчаютъ нашу Мариночку самокруткой, съ кѣмъ ни попало, мы ничего не подѣлаемъ. Поѣдутъ въ какой ни на есть въ другой городъ, а тамъ и дѣло начнутъ. Прикажи, молъ, князь Андрей Григорьевичъ, деньги получить наши, будетъ тебѣ опекать-то. Да еще подробное описаніе всего дай:

ЗА СТИРКОЙ. Съ картины **Л. Шмуцлера**.

сколько получилъ да сколько истратилъ, да на какіе предметы. Понятное дѣло, я отвѣтить сумѣю, недаромъ у меня подъ рукой такой стрекулистъ, какъ Миничъ. Мы такое сочинимъ, что самъ чертъ не распутаетъ. Да не надо дѣло доводить до такой бѣды. Я уже объ этомъ, матушка, думалъ не мало и приходило мнѣ такое на умъ, что, сказать тебѣ, ты ахнешь.

Князь замолчалъ. Княгиня подождала нѣсколько мгновеній и, наконецъ, спросила:

— Ну, что-же, скажешь, что-ли?

— Чего?

— А что надумалъ.

— Пожалуй, скажу, хотя не къ спѣху. Надумалъ я, какъ избѣжать бѣды, какъ избѣжать самокрутки, на которую я Мариночку считаю способной, потому что она—тихій омутъ и изъ нея — нѣтъ-нѣтъ — выскочитъ чертъ. Не лучше-ли самому заняться ея замужествомъ и выдать ее замужъ за своего, выбраннаго мною?

— Что-же ты отъ этого пользу какую получишь?

— Большую пользу, матушка.

— Передашь все состояніе своему выбранному?

— То-то, нѣтъ, матушка! Коли я за все дѣло возьмусь, то я и свои условія поставлю. Скажу такъ родителямъ, да и самому молодцу: хотите, молъ, вы этого, такъ давайте по рукамъ, только вотъ при какомъ условіи... И условіе-то придумалъ хорошее.

— Да какое-же?

— Да откупъ, „калымъ“, какъ говорятъ татары... у нихъ женихъ платитъ деньги родителямъ за дѣвицу... хочешь взять, заплати. А сколько? Да такой кушъ заломлю и получу, что мнѣ и опекунство ни на какой чертъ не нужно. Теперь все-таки тянешь чужія, а тамъ законнымъ образомъ получишь и будешь имѣть свои собственныя... Что-же глупо, что-ли?

— Нѣтъ, не глупо, — усмѣхнулась княгиня, — я отъ тебя эдакой прыти не ожидала.

— То-то вотъ,—разсмѣялся князь.— Я вотъ нынѣшней зимой этимъ займусь. Выберу я дворянъ самыхъ хорошихъ, добрыхъ, почтенныхъ и безпримѣрно совсѣмъ бѣдныхъ. Главное, чтобы были совсѣмъ честные, завѣдомо и издавна извѣстные своей правдивостью. И вотъ коли эдакаго молодца найду, то съ его родителями и съ нимъ самимъ и войду въ переговоры. Такъ и такъ: у меня товаръ, а у васъ купецъ; пожалуйте, сколько дадите? Дѣло и состряпано.

— Да, вѣдь, деньги-то получишь послѣ бракосочетанія, а не прежде.

— Понятно, что эдакому молодцунищему можно отдать что-либо изъ иждивенья Мариночки только тогда, когда онъ уже мужемъ ея будетъ.

— А надуетъ? Скажетъ, мало что прежде обѣщалъ, плевать.

— Никогда, матушка! Ты забыла, что у меня подъ рукой Миничъ. Эдакая распротоехидна никогда не можетъ сплоховать. Мы, вѣдь, не зря болтать будемъ, а Миничъ разныя бумаги напишетъ и всѣ мы эти бумаги подпишемъ. Да ужъ тамъ какъ никакъ, а Миничъ меня да себя обмануть не допуститъ. Все зло, по-моему, только найти такихъ сговорчивыхъ да честныхъ, скажу даже, честнѣйшихъ дворянъ. Есть у меня одни, да, бѣда, молодъ больно—всего ему семнадцать лѣтъ.

XVIII.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Москву князь занялся исполненіемъ воли покойнаго Зорича. Въ его завѣщаніи, собственно, простомъ письмѣ, князь нашелъ списокъ лицъ, человѣкъ до двадцати, которымъ Зоричъ назначилъ денежные подарки и награжденія. Большая часть этихъ лицъ были его-же собственные старики-дворовые, которыхъ онъ просилъ отпустить немедленно на волю, съ наградой отъ ста и до тысячи рублей По времени, это были крупныя суммы, такъ какъ иной старый холопъ, камердинеръ, буфетчикъ и даже иногда дворецкій, получали жалованье гривнами, самое большое—одинъ рубль въ мѣсяцъ. Такому старику вольноотпускная и нѣсколько сотъ рублей награды были чѣмъ-то безпримѣрнымъ.

Всѣ, кому говорилъ объ этомъ князь, дивились и ахали добротѣ покойнаго. Многіе совѣтывали князю не исполнять такихъ неслыханныхъ, даже смѣхотворныхъ приказаній, но князь отвѣчалъ каждому:

— Это—мой долгъ, исполнить все, что пожелалъ господинъ Зоричъ. Это—его деньги, а не мои. Прикажи онъ все состояніе раздать, я его все раздалъ-бы, хотя-бы Мариночкѣ пришлось идти по-міру. Когда онъ писалъ свое письмо, то все принадлежало ему. Онъ могъ и самъ такъ распорядиться, чуя, что скоро помретъ.

Но, помимо дворовыхъ людей, было нѣсколько человѣкъ приживальщиковъ, которыхъ покойный просилъ не трогать, не гнать изъ „Новоселья“, а оставить ихъ тамъ по всю ихъ жизнь, а если сама внучка Мариночка не пожелаетъ этого, то устроить ихъ гдѣ-либо, уплачивая имъ аккуратно большое жалованье. Наконецъ, въ завѣщаніи были названы два лица, которымъ Зоричъ оставлялъ маленькіе капиталы. Онъ самъ назвалъ ихъ маленькими, но въ дѣйствительности это были большія суммы: десять и тридцать тысячъ.

Богачу Зоричу казалось это пустяками. Но описываемое время было такое, когда не богатый дворянинъ жилъ на тысячу рублей въ годъ, почитая себя счастливымъ. Такіе подарки чужимъ людямъ были безпримѣрными.

Десять тысячъ Зоричъ завѣщалъ сосѣду Данилову, а тридцать тысячъ своему дальнему родственнику, господину Батищеву.

Князь съ помощью Минича тотчасъ-же исполнилъ все, что было желаніемъ покойнаго. Деньги, завѣщанныя Данилову, были ему немедленно высланы съ нарочнымъ, такъ какъ почтѣ никто не довѣрялъ и ста рублей.

Въ то-же время князь занялся разысканіемъ Батищева въ Москвѣ.

Къ удивленію князя, оказалось, что Батищевъ—чиновникъ и крупный. Онъ былъ главнымъ лицомъ въ земской канцеляріи, назывался и судьей, и комиссаромъ, и президентомъ, причемъ у него былъ крупный чинъ бригадира. Такимъ образомъ, онъ являлся по чину военнымъ, а по мѣсту служенія у статскихъ дѣлъ.

Батищевъ тотчасъ-же пріѣхалъ къ князю, который объявилъ ему волю покойнаго Зорича и передалъ крупную сумму изъ рукъ въ руки.

ДѢВУШКА СЪ ЛИЛІЯМИ. Съ картины **Ф. Вобрингъ**.

Несмотря на то, что Батищевъ, котораго звали такъ-же, какъ и князя, Андреемъ Григорьевичемъ, былъ очень любезенъ и даже почтителенъ съ княземъ, онъ все-таки не понравился Ягузинскому.

Высокій, худой уже пожилой, но бодрый Батищевъ какъ-то странно смотрѣлъ своими маленькими сѣрыми глазками и какъ-то странно двигалъ губами, когда говорилъ. Первое впечатлѣніе князя было, что

это — судейскій крючекъ высшаго полета, злюка и кровопіецъ.

„Голову свою прозакладываю, — думалось князю, — что ты не вѣсть какія ужасти творишь надъ тѣми несчастными, которые попадаются тебѣ въ лапы“.

Это мнѣніе князя, впрочемъ, было ошибочное. По своей должности Батищевъ никого не пыталъ, судить и засуживать не могъ. Вообще-же онъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ сухой, себялюбивый, необщительный и, главнымъ образомъ, крайне скупой и крайне жадный. Онъ считался въ Москвѣ между всѣми чиновниками лихоимцемъ и самымъ главнымъ взяточникомъ. Про него говорили:

— Господинъ Батищевъ за двѣ гривны продастъ мать и отца, деретъ кожу съ живого и съ мертваго.

Получая отъ князя крупную сумму, Батищевъ сильно взволновался и заставилъ невольно князя подумать:

„Ишь, какъ денежки-то любитъ“.

Разумѣется, князь сталъ спрашивать гостя, какимъ образомъ онъ—родня покойнаго Зорича.

— Очень просто, — отвѣтилъ этотъ, — даже не такой дальній, какъ вы изволите думать, князь! Моя бабушка была родная сестра отца Петра Павловича и приходилась ему теткой. Только разница лѣтъ между этимъ Зоричемъ и моей бабушкой была очень большая; кажется, она была дочерью отъ второго брака, когда этотъ Зоричъ уже былъ совсѣмъ пожилымъ. Этого всего, по правдѣ, я не помню и плохо знаю. Вышла она замужъ за богача-дворянина Коврина, у нея была красавица дочь, которая вышла замужъ за Батищева, а оная — моя матушка, скончавшаяся лѣтъ двадцать тому назадъ. Все-таки я выхожу потомкомъ госпожи Зоричъ по прямой линіи, но по женскому колѣну. Изъ этого вы можете уразумѣть, ваше сіятельство, что, не будь на свѣтѣ Маріанны Павловны, помри она волей Божьею такъ-же, какъ и ея маленькій братишка, кому-бы пошло все имущество, вотчины и иждивеніе, плошка и ложка, метла и кочерга старика Петра Павловича.

— Да, понимаю, — сказалъ князь. — Если-бы не Мариночка, то вы были-бы прямымъ и, пожалуй, даже единственнымъ наслѣдникомъ.

— Именно, вы изволите выражаться правильно, — былъ-бы прямымъ наслѣдникомъ и единственнымъ.

— Единственнымъ-то нельзя сказать, — спохватился князь. — Вѣдь, я тоже состою въ родствѣ съ покойнымъ Зоричемъ и потому, именно, и выбранъ былъ имъ въ опекуны.

— Такъ-съ, — улыбнулся Батищевъ. — А позвольте, въ свой чередъ, попросить васъ разъяснить мнѣ, какъ, собственно, вы — родня покойному Зоричу.

Князь началъ было говорить, запутался и потомъ по своему добродушію и прямотѣ характера тотчасъ-же разсмѣялся и выговорилъ весело:

— Ну, нѣтъ, Андрей Григорьевичъ! увольте! Не могу, не знаю. Знаю, что въ родствѣ мы, а въ какомъ — Богъ его вѣдаетъ. Зналъ, да забылъ. Вотъ, можетъ, жена помнитъ. Я у нея спрошу.

Разстались князь и Батищевъ отчасти менѣе дружелюбно, нежели встрѣтились. Новый знакомый положительно не понравился Ягузинскому. Впрочемъ, это было со всѣми, съ кѣмъ только знакомился комиссаръ или судья изъ земской канцеляріи.

Когда князь разсказывалъ своимъ друзьямъ про свое знакомство съ Батищевымъ и о томъ, какъ онъ передалъ завѣщанный ему Зоричемъ капиталъ, то многіе изъ нихъ спрашивали:

— Ну, что-же? Все благополучно и кончилось?

— Да, — отвѣчалъ князь.

— Удивительно! Говорятъ, что Батищевъ — первостатейный крючекъ и ехидна и ничего у него спроста не выходитъ. Онъ со всѣми въ тягательствѣ и въ распряхъ. Онъ всякаго-то человѣка норовитъ крючкомъ какимъ зацѣпить и тащить, даже когда и дѣла-то у него прямого нѣтъ съ человѣкомъ. А тутъ было дѣло, да денежное. А онъ жаденъ на деньги, какъ голодный песъ на мясо. Смотрите, князь, не вышло-бы еще чего.

— Да ничего не можетъ быть.

— Не можетъ? Не можетъ съ другимъ человѣкомъ, а съ Батищевымъ все можетъ приключиться.

XIX.

„Гласъ народа, гласъ Божій“, — старое изреченіе вѣчно вѣрное.

Не прошло недѣли, какъ князь получилъ письмо отъ Батищева, довольно пространное, которое онъ долго разбиралъ и читалъ. Письмо было витіеватое, въ немъ было много болтовни, много совершенно непонятныхъ мѣстъ, какъ-будто Батищевъ хотѣлъ пыль въ глаза пустить, пройти за ученаго человѣка, а главное, за первосортнаго законника. Князь, понявъ суть письма, смутился, но затѣмъ, подумавши, рѣшилъ:

— Врешь, братецъ! Не такъ-то это легко.

Но не прошло сутокъ, и князь снова сталъ тревожиться и снова перечитывать письмо Батищева. Наконецъ, какъ бывало всегда, онъ послалъ за всезнайкой Миничемъ.

Миничъ, не чета князю, живо разобралъ и прочелъ письмо Батищева, но не испугался, а сидѣлъ, улыбаясь.

— Ну, что? Ты, законникъ, сказывай! Я тревожусь.

— Напрасно, ваше сіятельство! Особенно тревожиться нечего! Все въ вашихъ рукахъ.

— Понялъ, надѣюсь, главное?

— Какъ не понять? Да все письмо главное, во всемъ письмѣ говорится только объ одномъ, хотя и не прямо, а обиняками. И всякій дуракъ пойметъ, а вы, умный человѣкъ, конечно, сейчасъ поняли.

— Да ты скажи, что ты понялъ?

— А то-же, что и вы, князь!

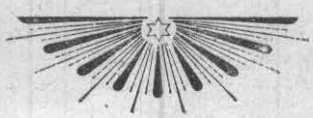
— Шутъ ты гороховый! Сказывай, что ты понялъ?

— Извольте. Онъ желаетъ быть опекуномъ.

— Ну, вотъ, вотъ! и я такъ-же съ перваго раза понялъ. Выходитъ такъ, что онъ считаетъ себя обойденнымъ Зоричемъ, что онъ долженъ-бы былъ быть назначенъ опекуномъ Мариночки скорѣе, чѣмъ я. По его это выходитъ, какъ онъ пишетъ, настоящее естество и настоящая законность.

Письмо Батищева, которое князь и Миничъ поняли одинаково, хотя было и витіеватое, путанное, но, тѣмъ не менѣе, въ немъ ясно было выражено желаніе быть опекуномъ его родственницы Зоричъ и предложеніе князю принять его въ качествѣ соопекуна. Въ случаѣ-же несогласія на то Ягузинскаго, Батищевъ не грозилъ, а лишь намекалъ, что онъ будетъ хлопотать предъ высшимъ правительствомъ о своемъ назначеніи.

(Продолженіе будетъ.)



Къ одной цѣли.

Повѣсть Т. Н. Власовой.

Любовь великая въ былые дни страданья
Свои посѣяла намъ въ сердце сѣмена.
Такъ зерна озими порою увяданья,
Порой осеннею земля принять должна.
О, время тяжкое осенняго посѣва!
И тучи низкія, и холодъ первыхъ вьюгъ...
О, время черное тоски, сомнѣній, гнѣва,
Неосушимыхъ слезъ, неутолимыхъ мукъ!
Мы проживемъ его! Дождей осеннихъ слезы
Вспоятъ и выростятъ любви той сѣмена...
И нынче, въ дни зимы, когда царятъ морозы,
Намъ свѣтитъ издали грядущая весна!..

Б. Н.

I.

Въ кабинетѣ Алексѣя Николаевича Дорина было нѣсколько человѣкъ гостей: его товарищъ по полку и близкій другъ Кротковъ и двѣ дамы, Анна Николаевна Грей, дочь банкира, хорошенькая дѣвушка съ капризнымъ выраженіемъ лица, и Кити Зарѣцкая, молодая вдова. Онѣ катались съ Кротковымъ на автомобилѣ и заѣхали къ Дорину погрѣться чаемъ. Зарѣцкая хозяйничала за маленькимъ чайнымъ столикомъ и нарочно для смѣха дѣлала тысячи неловкостей, роняла ложки, разсыпала печенье...

— Такъ мы никогда не напьемся чая и заморозимъ моего шоффера,—сказалъ съ нетерпѣливымъ жестомъ Кротковъ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ противъ Анны. — Алеша, — обратился онъ къ хозяину, — позови-ка Лизу.

— Да ея, вѣрно, дома нѣтъ,—отозвался Доринъ,—я лучше помогу Екатеринѣ Павловнѣ.

Онъ присѣлъ около Кити и, перебрасываясь съ нею задорными шутками, сталъ помогать ей наливать и передавать чай и печенье.

— Жалко,—протянула Анна и на ея лицѣ выразилось недовольство. — А я нарочно заѣхала къ вамъ, — Анна первый разъ была у Дорина: — мнѣ ужасно хочется познакомиться съ Елизаветой Михайловной. Кротковъ разсказывалъ про нее чудеса...

— Чудеса? это интересно! — засмѣялась Кити. — Какія-же это? Можно узнать?

— Онъ говоритъ, что она... ангелъ доброты... Кажется, такъ, Владиміръ Алексѣевичъ? — Анна слегка повернула къ нему голову, но почти не взглянула на него. — Что она... необычайно поэтична, умна... ну, и все въ этомъ родѣ,—капризно и скоро докончила она.

— И это—правда, Алексѣй Николаевичъ?—спросила Кити, испытующе заглядывая въ глаза Дорина, сидѣвшаго съ ней рядомъ.

— Насколько она поэтична, — улыбнулся Доринъ, — объ этомъ предоставляю судить Владиміру. Умна-ли? Кажется, да. А вотъ что она необыкновенно добра, это я свидѣтельствую съ благодарностью: уже цѣлый годъ послѣ смерти жены она возится съ моими дѣтьми, а младшій и родился чуть-ли не на ея рукахъ... Лиза—дальняя родственница, скорѣе подруга, моей жены,—прибавилъ онъ на вопросительный взглядъ Анны.

— Вы положительно заинтересовали Анну Николаевну,— слегка насмѣшливо произнесла Зарѣцкая. — Ее мало чѣмъ можно заинтересовать! Надо пользоваться случаемъ... Анна! пойдемъ-ка мы сами въ дѣтскую и приведемъ Лизу... Не протестуйте, Алексѣй Николаевичъ! Заодно посмотримъ вашихъ дѣтишекъ...

Ей рѣшительно не сидѣлось на мѣстѣ.

Анна, подумавъ мгновенье, молча встала.

Какъ только дамы ушли, Кротковъ пересѣлъ на диванъ къ Дорину.

— Поздравь меня, Алеша,—сказалъ онъ весело зазвенѣвшимъ голосомъ и его красивое лицо съ темными небольшими усиками засвѣтилось отъ улыбки: — я назначенъ въ N—скій стрѣлковый сибирскій полкъ.

— Очень радъ за тебя. — Доринъ обнялъ его. — Скоро поѣдешь?

— Постараюсь скорѣе. Надо только какъ-либо устроиться съ долгами! — Кротковъ поморщилъ сердито лобъ, но черезъ мгновеніе уже безпечно улыбнулся и сказалъ: — я писалъ дядѣ... Онъ обѣщалъ кое-что устроить... Радъ, что я возвращаюсь на истинный путь...

— Я завидую тебѣ... Можетъ быть, скоро и я...

— И не думай, голубчикъ,—вставая замахалъ руками Кротковъ на пріятеля.—Командиръ и слышать не хочетъ. «И мнѣ здѣсь офицеры нужны», говоритъ. Особенно ты... На меня-го онъ рукой махнулъ! А про тебя говоритъ...

— Мало-ли что онъ говоритъ!—недовольно сдвинувъ брови, перебилъ Доринъ и, помолчавъ, спросилъ: — ну, а какъ дѣла съ Анной Николаевной?

— Опять отказала!

Кротковъ вскочилъ съ дивана и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, да знаешь,—искренне вырвалось у него,—это и хорошо! Тогда-бы—крышка! не уѣхалъ-бы на войну... Развѣ-бы нашъ полкъ послали... А теперь я свободенъ. А главное, съ тѣхъ поръ, какъ она мнѣ отказала первый разъ,—прибавилъ онъ смущенно, исподлобья глядя своими глазами на Дорина,— для меня вопросъ о деньгахъ отошелъ на второй планъ... Чертъ возьми! чѣмъ я—не женихъ? Это меня злитъ! Теперь она нравится мнѣ и я не желаю ея милліона...

Онъ вынулъ платокъ, чуть пахнувшій тонкими духами, и провелъ имъ по разгоряченному лбу.

— Это въ тебѣ хорошо!—любовно глядя на него, сказалъ Доринъ.—Кажется, идутъ...

— Три граціи... или богини,—пошутилъ Кротковъ, настроеніе котораго ежеминутно мѣнялось.—На мѣстѣ современнаго Париса я выбралъ-бы Кити... Право! Чего ты такъ удивленно смотришь? Аннѣ мѣшаетъ ея милліонъ... теперь это—моя «bête-noire»... Лиза очень молода и... серьезна; Кити—прелесть! Она и красивѣе всѣхъ, хотя гораздо старше... Настоящая златокудрая Аврора!

— Вотъ и Лиза!—кричала Кити, втаскивая ее за руку въ комнату.

Сзади шла Анна и бѣжали вприпрыжку двое дѣтей.

— Нѣтъ, Алексѣй Николаевичъ,—засмѣялась Зарѣцкая,— теперь я вижу, что вы, какъ самый ревнивый Черноморъ, держите свою Людмилу за семью замками... Лиза давно дома!..

При ея словахъ Лиза вспыхнула до корня волосъ.

Кротковъ подошелъ къ ней.

— Bonjour, mademoiselle Lise!—и, наклонившись къ трехлѣтней Сонѣ, сказалъ: — здравствуй, плутовка!

Дѣвочка вскинула на него длинными рѣсницами. Синіе круглые глаза весело засмѣялись и она сейчасъ-же уткнулась въ лизино платье, предоставляя гостю любоваться своими кудрями. Володя, пятилѣтній крупный красивый мальчикъ, уже завладѣлъ шашкой Кроткова.

— Какъ ваше назначеніе?—тихо спросила Лиза, не этотъ вопросъ не ускользнулъ отъ тонкаго слуха Зарѣцкой, уже шутливо пикировавшейся съ Доринымъ.

— Какое назначеніе?.. что это?

— Я ѣду на войну.

— Вотъ это мило!—Кити негодующе надула губки.—Это на васъ похоже! И на васъ тоже!—сердито погрозила она хозяину.—ѣдетъ на войну! самая свѣжая новость, а они молчатъ!.. Анна, вы слышите? это ужасно!..

Анна разсматривала бюваръ на столѣ, нѣсколько прищуривъ большіе каріе глаза.

— Да, слышу.

Она поднялась отъ стола и, держась руками за концы своего песцоваго боа, обвела всѣхъ глазами и почти пренебрежительно остановила ихъ на Кротковѣ. Ея тонкіе ноздри еле замѣтно вздрагивали.

— Чему-же вы ужасаетесь?—продолжала она.—Многіе ѣдутъ. Почему-же не ѣхать и Владиміру Алексѣевичу?

Проговоривъ это, она спокойно наклонилась опять къ бювару.

«Какая дикая фантазія была дѣлать ей предложеніе!»— это было написано на ея лицѣ.

Эта мысль, и почти въ одной и той-же формѣ, пришла въ голову одновременно всѣмъ тремъ—Зарѣцкая о предложеніи ничего не знала.

«У женщинъ рѣшительно нѣтъ вкуса!»—обидился Доринъ за пріятеля.

«Она его совсѣмъ не любитъ!» — возмутилась Лиза.

«Какой я болванъ!» — разозлился Кротковъ, блѣднѣя, и сейчасъ-же повернулся къ Дорину:

— Однако, прощай, Алеша. Поѣдемте, mesdames, а то мой англичанинъ совсѣмъ застынетъ. Дьявольская погода! Мартъ, а снѣгъ сыплетъ, какъ зимою. До свиданія, Елизавета Михайловна! Съ вами мнѣ страшно жаль разстаться... Вы когда ѣдете?

— Куда это?

Зарѣцкая быстро отвернулась отъ зеркала, гдѣ она прикалывала шляпу, и вся обратилась во вниманіе и слухъ.

— Въ имѣнье. Докторъ совѣтуетъ увезти дѣтей при первой возможности... боится, что схватятъ здѣсь послѣ кори еще какую-либо гадость.

— Значитъ, лѣтомъ увидимся?—улыбаясь чему-то своему, сказала Кити:—вѣдь, мы—земляки.

Лиза мелькомъ слыхала, что въ той сторонѣ находится и имѣнье Зарѣцкой, но перспектива и лѣтомъ встрѣчаться съ нею не особенно улыбалась молодой дѣвушкѣ. Ей что-то не нравилось въ этой красивой и любезной всегда женщинѣ. Она промолчала, простилась съ нею и наклонилась къ Сонѣ, которая, смѣясь, спрашивала что-то. Когда Лиза выпрямилась, Анна Николаевна стояла предъ нею; теперь ея глаза смотрѣли не упрямо и капризно, они свѣтились лаской.

— А мнѣ вы позволите лѣтомъ пріѣхать къ вамъ?—и, видя, что всѣ вышли и лишь Доринъ ждетъ ее, стоя въ дверяхъ,

НА ЛѢСНОЙ ДОРОГѢ ЗИМОЮ. По фотографіи съ натуры **В. Ченцова**.

МАСЛЕНИЧНОЕ ГУЛЯНЬЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА. По рисункамъ того времени рисов. для „Родины“ **В. Зауерлендеръ.**

Анна порывисто поцѣловала Лизу.—Вы мнѣ очень нравитесь... Я даже не думала... Иду, иду,—отвѣтила она на зовъ Кити.—До свиданія.

«Странная дѣвушка!—подумала Лиза, улыбаясь надъ ея признаніемъ.—И хорошенькая...—и, оборвавъ мысль, обратилась къ дѣтямъ:—Володя, Соня, пойдемъ къ себѣ.

— Подожди, Лиза, не мѣшай, мы караулимъ японцевъ!—отозвался Володя.

Онъ, пока старшіе были заняты разговоромъ, затѣялъ игру, заставляя Соню прятаться за кресло. Лиза подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу. Доринъ, проводивъ гостей до автомобиля, разговаривалъ съ ними, стоя на троттуарѣ.

«Черноморъ!»—вспомнила Лиза и разсердилась, вся покраснѣвъ.

Первый разъ ей пришло въ голову, что на ея пребываніе въ домѣ Дорина можетъ существовать такой взглядъ. Безтактное и пошлое, какъ называла она, замѣчаніе Кити коробило ее. Ей казалось, что на ея отношенія къ Дорину брызнули чѣмъ-то нечистымъ, и теперь она не можетъ глядѣть на него прежними глазами. Это только Зарѣцкой можетъ взбрести въ голову. «Хорошо, что мы скоро уѣдемъ!» Эта мысль теперь улыбнулась ей. Уѣхать одной куда-либо, даже если-бы Зарѣцкая прямо высказала ей свой взглядъ на ея пребываніе въ домѣ молодого вдовца, ей не пришло-бы на умъ... Умирающей Сонѣ, своей милой подругѣ, поклялась она не оставлять дѣтей... пока не выйдетъ замужъ...

Лиза жила въ домѣ Дорина два года со времени выхода изъ института. Она была сирота. Дѣтей, особенно младшаго Павлика, она обожала. Павликъ выросъ на ея рукахъ, ей принадлежала его первая улыбка, первая сознательная ласка...

Увлекшись думами, дѣвушка не слыхала, какъ Доринъ вернулся въ кабинетъ.

— Вы еще здѣсь, Лиза?

Лиза вздрогнула отъ неожиданности и быстро отошла отъ окна.

— Я жду дѣтей...

— Это и отлично! Присядьте, пожалуйста, и скажите, что надо написать Рудневымъ? Что приготовить къ вашему пріѣзду?

Рудневы были сосѣди-помѣщики и родные Дорина.

Лиза сѣла къ столу.

Приготовляя письменныя принадлежности, къ великому удовольствію дѣтей, смотрѣвшихъ на столъ любопытными глазами, Доринъ говорилъ съ Лизой о переводѣ Кроткова въ Манчжурію. Глядя на ея хорошенькую головку съ длинной пепельной косой и темными серьезными глазами, на ея худенькій станъ, Доринъ вспомнилъ сравненіе Зарѣцкой и улыбнулся про себя.

«Она такъ-же мало похожа на Людмилу,—подумалъ онъ,—пышную русскую боярышню, какъ я на Черномора! Эта Кити вѣчно съ своими фантазіями!»

Его нисколько не задѣли и не взволновали слова Кити. Онъ видѣлъ въ Лизѣ до сихъ поръ ту дѣвочку, которая, застѣнчиво и радостно волнуясь, вся бѣленькая отъ своей одежды, выходила на пріемъ въ институтѣ, когда Доринъ съ женою пріѣзжалъ ее навѣщать.

II.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, въ свѣтлый солнечный день по невозможной дорогѣ между обнаженными березами и липами къ деревенскому дому Дорина, построенному еще отцомъ его покойной жены, со всякими барскими затѣями, подъѣхали экипажъ съ Лизой, няней и дѣтьми и два тарантаса съ ихъ вещами. Весна заманчиво глядѣла изъ каждой травки, весело зазеленѣвшей на солнечномъ припекѣ, слышалась въ каждомъ звукѣ: въ задорномъ чириканьѣ воробьевъ, въ пѣньѣ пѣтуховъ, въ журчаньѣ воды по краямъ дороги. Лиза съ наслажденіемъ вглядывалась въ каждую мелочь; такъ рано весною ей еще не приходилось бывать въ деревнѣ. Дѣти безъ умолка смѣялись и болтали, даже флегматичный Павлуша, смѣясь во весь ротъ, старался объяснить что-то на своемъ своеобразномъ языкѣ.

— Слава Тебѣ, Господи! доѣхали!—ворчала няня, вылѣзая изъ коляски.

Имѣнье Дорина лежало въ ста верстахъ отъ Петербурга и въ трехъ отъ станціи, но няня каждое путешествіе сюда считала событіемъ, грозящимъ ея жизни.

Рудневы вышли встрѣчать ихъ на крыльцо. Послѣ первыхъ безсвязныхъ восклицаній, вопросовъ безъ отвѣтовъ, поцѣлуевъ, всѣ направились въ домъ.

— Дайте-ка, Лизочка, на себя посмотрѣть!

Рудневъ, высокій плотный мужчина, съ окладистой темной, уже сѣдѣющей бородой, повернулъ къ себѣ за плечи Лизу, когда она, раздѣвъ дѣтей, вошла въ гостиную.

— Да, вы—ужъ не дѣвочка, а цѣлая невѣста. Что мы съ вами? съ осени не видались? Вѣруня, ты какъ ее находишь?—обратился онъ къ сестрѣ.

Вѣра Антоновна, стоя въ дверяхъ, привѣтливо улыбнулась.

Рудневы были въ большой дружбѣ со всей семьею Дорина. Собственно, Вѣра Антоновна была Верховской, вдовою врача, но всѣ сосѣди и крестьяне звали ихъ—и брата, и сестру—однимъ общимъ именемъ.

— Соловья баснями не кормятъ, однако!—сказала Вѣра.—Дѣтишки, вѣрно, проголодались. Пойдемъ-ка въ столовую. Няня, тащите своего бутуза, тамъ ему и какао, и кашка готовы...

— Что вы, Вѣрочка? больны?—спросила Лиза, обнявъ Рудневу и идя вслѣдъ за няней въ столовую.—Вы что-то дурно выглядите...

На прекрасномъ, правильномъ, хотя уже не молодомъ лицѣ Вѣры лежало выраженіе не то боли, не то тоски.

— Нѣтъ, я совершенно здорова.. Это тебѣ такъ показалось,—старалась она разувѣрить Лизу.—Впрочемъ,—она будто подыскивала объясненіе,—теперь вообще тяжело...

Не договоривъ, она стала усаживать и кормить дѣтей съ помощью красивой дѣвушки, нанятой Рудневымъ для комнатныхъ услугъ.

— Ну, какъ у васъ тамъ?—спрашивалъ Рудневъ, прихлебывая горячій чай,—какія новости? какъ насчетъ войны?

— Кротковъ назначенъ въ дѣйствующую армію, въ N—скій полкъ.

— Удалось-таки ему... Алеша писалъ. И онъ, вѣдь, хлопочетъ?

— Командиръ не пускаетъ. Все-таки Алексѣй Николаевичъ надѣется перевестись...

— Тамъ у васъ, въ Петербургѣ, не замѣтно. А что здѣсь война да мобилизація надѣлали—страхъ!—замѣтила Вѣра.—Скоро-ли это окончится, вотъ вопросъ...

— Поколотимъ хорошенько этихъ японцевъ, и баста! Правда, братъ Володя?—обратился Рудневъ къ мальчику, который при первомъ словѣ о войнѣ оставилъ ѣсть, весь обратился въ слухъ и теперь сіяющими глазами смотрѣлъ на любимаго дядю.

Онъ и въ Петербургѣ часто пробирался въ кабинетъ отца, когда приходили офицеры и разговаривали о военныхъ дѣйствіяхъ, послѣ чего его воображеніе начинало работать безъ устали.

— И я пойду на войну,—серьезно сказалъ Володя,—вмѣстѣ съ папой.

— Вотъ и отлично. Молодецъ! А пока кончай завтракъ и пойдемъ со мною по хозяйству.

Павликъ, переваливаясь и держась за нянинъ передникъ, спѣшилъ къ Лизѣ.

— Вы тутъ поболтайте. Поди, много секретовъ завелось?—добродушно шутитъ Рудневъ съ Лизой.

Разбирая и устанавливая въ дѣтской вещи, Лиза и Вѣра Антоновна обмѣнивались новостями.

— А что-же Кротковъ? не женился?

— Нѣтъ. Да и къ лучшему.

— А что? она несимпатична?

— Я ее, собственно, мало знаю... Кажется, милая дѣвушка. Алексѣй Николаевичъ говоритъ, что она очень избалована... Да она его и не любитъ совсѣмъ Кроткова.

И Лиза передала весь разговоръ въ кабинетѣ Дорина.

— Это еще ровно ничего не доказываетъ,—задумчиво сказала Вѣра.—Мнѣ-бы хотѣлось ее увидать...

— Она собиралась сюда пріѣхать... Теперь Кротковъ ничѣмъ не связанъ, а если-бы женился...

— Такъ и есть! уже кого-то перевѣнчали!—съ комическимъ отчаяніемъ вскричалъ Рудневъ, входя въ дѣтскую съ Соней на плечахъ.—О, женщины!

— Еще не успѣли, не успѣли,—отшутилась Лиза.—Я хотѣла спросить васъ, Петръ Антоновичъ, близко имѣнье Зарѣцкой?

— Совсѣмъ близко. Да только это—не «имѣнье», а одно горе... Въ арендѣ у міроѣда, бывшаго кабатчика... А что?

— Она собиралась лѣтомъ сюда пріѣхать,—сказала Лиза, обращаясь больше къ Вѣрѣ.

Рудневъ осенью встрѣтилъ Зарѣцкую въ Петербургѣ у Дорина. Теперь онъ какъ-будто что-то соображалъ. Соображенія были не изъ пріятныхъ. Брови его хмуро сдвинулись.

— Поѣдемъ-ка домой, Вѣруня, дѣла по-горло. А вы, Лиза, тутъ хоть для вида присмотрите за старостой. Я завтра заѣду. Избилъ-бы, кажется, каналью!—вырвалось у него. Онъ вспомнилъ о какой-то продѣлкѣ старосты.—Видѣть противно!..

— А что случилось?—спросили и Лиза, и Вѣра.

Рудневъ недовольно и сердито махнулъ рукою, простился съ Лизой и сердито полѣзъ въ бричку. Всю дорогу онъ былъ не въ духѣ и молчалъ; лишь переѣхавъ границу своего имѣнья—оно лежало въ двухъ верстахъ отъ доринскаго—и увидавъ нарядную озимь и веселый, молодой, имъ насаженный лѣсъ, онъ повернулся къ сестрѣ и весело заговорилъ съ нею.

Рудневы, оба прекрасно образованные, изъ старинной дворянской фамиліи, были убѣжденные не землевладѣльцы, а

земледѣльцы, потому что часть работъ они исполняли сами. Это не было рисовкой; они никогда никому не навязывали своихъ мыслей, если о нихъ не заговаривали: напротивъ, всякій могъ расчитывать на интересную бесѣду о самыхъ отвлеченныхъ и разнообразныхъ предметахъ. Свое дѣло они считали не подвигомъ, а долгомъ. Они любили землю и народъ, любили свой часто неблагодарный трудъ и никогда не каялись, что избрали этотъ путь.

Рудневъ терпѣть не могъ имѣній доринскаго типа, гдѣ староста, кое-какъ хозяйничая и разоряя землю, набиваетъ свой карманъ. Изъ дружбы къ Дорину онъ взялся изрѣдка присматривать за его имѣньемъ, но всякій разъ выходилъ изъ себя и клялся всѣми клятвами, что его нога больше не будетъ въ «Сосновкѣ».

III.

Откинувъ красивую головку съ роскошными золотистыми волосами на спинку мягкаго низкаго кресла, Кити Зарѣцкая кокетливо и вмѣстѣ покорно смотрѣла во взволнованное лицо Дорина.

Черезъ выставленныя окна сквозь спущенныя тяжелыя занавѣси съ улицы доносился глухой однообразный шумъ. Розовый свѣтъ абажура давалъ всей комнатѣ поэтическій оттѣнокъ.

Доринъ, встрѣчаясь съ Кити, чувствовалъ, что между ними выростаетъ все большая и большая близость. Онъ желалъ этой близости и боялся ея, какъ боялся вообще нелегальныхъ узъ. До женитьбы у Дорина былъ романъ съ замужней женщиной, романъ тяжелый, съ клятвами, слезами, чуть-ли не самоубійствомъ... Разставшись съ нею, Доринъ вздохнулъ свободно. Покойную свою жену — Доринъ былъ женатъ шесть лѣтъ—онъ любилъ за необычайную женственность и чистоту; она всегда была ровна, спокойна, нѣжна; онъ очень горевалъ послѣ ея смерти...

Но время несло забвеніе, молодость предъявляла свои права... Любовь игривую и страстную, которую онъ угадывалъ въ Кити, Дорину не случалось испытать. Его все влекло къ ней: и ея постоянно мѣняющееся настроеніе, и ея бархатные глаза, на которые онъ не могъ наглядѣться, и вся ея ярко распустившаяся красота...

— Вы никогда не ревновали своей жены?—сразу оборвавъ какой-то разговоръ, такъ неожиданно спросила Кити, что Доринъ весь вздрогнулъ.

Этотъ вопросъ былъ ему непріятенъ — воспоминаніе о женѣ было ему священно.

— Никогда,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Не ревновали такой красивой женщины? Да вы вообще не ревнивы?

— Не знаю... Кажется, не ревнивъ. Если я люблю и вѣрю, то ревновать смѣшно, а если не вѣрю—я не могу любить...

— Полноте! развѣ нельзя не вѣрить и любить?

— Я-бы не могъ... Мнѣ кажется... не могъ-бы! — подумавъ, повторилъ Доринъ.

Зарѣцкая приподняла голову, вглядѣлась въ его лицо и поняла, что это — не фраза.

— А мой мужъ... Что это была за жизнь!.. Онъ былъ ревнивъ до безумія. Онъ то мнѣ въ любви клялся, то... то билъ меня... — Кити закрыла лицо руками.—Я вышла за него глупымъ ребенкомъ, я боялась всѣхъ и каждаго, а онъ мучилъ меня разными гнусными подозрѣніями...

Она отняла руки отъ лица. Въ ея глазахъ стояли слезы. Доринъ вообразилъ себѣ ее, нѣжную, тогда совсѣмъ юную, въ рукахъ грубаго мужа... Острое ощущеніе влюбленности пробѣжало по его нервамъ...

— А вы-бы могли опять полюбить?—вдругъ вырвалось у него.

Онъ всталъ, прошелся и сѣлъ совсѣмъ близко къ Кити.

Искра торжества блеснула въ черныхъ глазахъ Зарѣцкой, но она сейчасъ-же потушила ихъ блескъ и почти совсѣмъ опустила рѣсницы.

— Полюбить опять? Не знаю, — сказала она, опускаясь глубже въ кресло. — Едва-ли найдется человѣкъ, который отвѣтитъ мнѣ такимъ горячимъ чувствомъ, какъ я хочу... Всѣ считаютъ меня только великосвѣтской женщиной... Въ моей-же душѣ часто бываетъ адъ отъ однихъ воспоминаній прошлаго. Любить-же я могу... беззавѣтно!—прошептала она.

Въ комнатѣ настала мгновенная тишина. Даже съ улицы случайно не приносилось ни одного звука.

— Я часто мечтаю о честной, чистой любви!—прозвучалъ опять голосъ Кити и эти два слова упрекомъ и страхомъ пронзили сердце Дорина.

Она взяла руку Дорина своей маленькой ручкой... Теперь уже онъ отъ нея не уйдетъ — молодой, богатый, красивый!.. Изъ-подъ полуопущенныхъ густыхъ рѣсницъ она смотрѣла на красивое породистое лицо Дорина, которому брови и вѣки придавали мечтательный оттѣнокъ... Каждое его движеніе было гибко и изысканно... Надо все ставить на карту... Только-бы... Но нѣтъ! прочь всѣ безпокойныя мысли! Она добьется свого, а тамъ...

Рука Дорина нервно отвѣчала на ея пожатіе.

— Все это я вамъ говорю, какъ другу,—говорила Кити, наклоняясь къ нему.—Вѣдь, мы—друзья?

— Къ несчастью... нѣтъ,—отрывисто и глухо выговорилъ Доринъ.

«Тѣмъ лучше!»—подумала Кити.

«Она мечтаетъ о «чистой, честной» любви!—неслось въ головѣ Дорина.—Такую любовь я ей не могу дать. Жениться, особенно теперь, во время войны, немыслимо... Надо уйти и разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ».

Но какая-то стихійная сила удерживала его около этой женщины. Теряя самообладаніе, онъ хотѣлъ встать и поднялся уже со своего мѣста, какъ двѣ душистыя ручки притянули его, обняли шею и прерывающійся голосъ прошепталъ:

— Останься... я, вѣдь, люблю только тебя...

Доринъ уже ни о чемъ не думалъ; одинъ лишь сладкій, очаровательный грѣхъ завладѣлъ его сердцемъ.

IV.

У Павлика шли зубы, онъ горѣлъ, капризничалъ.

Лиза, всегда и въ Петербургѣ въ этихъ случаяхъ воображавшая разные страхи, послала Рудневымъ отчаянное письмо, прося скорѣе прислать доктора. Рудневъ отправился за нимъ самъ. Докторъ жилъ на краю городка, лежавшаго у станціи.

Уже къ обѣду всѣ страхи Лизы разсѣялись. За обѣдомъ она, докторъ Иволгинъ и Петръ Антоновичъ весело смѣялись и шутили. Докторъ сразу завладѣлъ и дѣтскими симпатіями: даже Павликъ, всегда со страшнымъ крикомъ встрѣчавшій попытки докторовъ его осмотрѣть, позволилъ «дядѣ» продѣлать все нужное совершенно безпрекословно и потомъ все время тянулся къ нему.

Лиза рѣшила, что Иволгинъ похожъ на «настоящаго» студента. Иволгинъ и въ дѣйствительности словами и движеніями походилъ скорѣе еще на студента-медика, а не на врача. Его прямой, открытый взглядъ и небольшіе усики дѣлали его моложе, чѣмъ можно было судить объ его годахъ по его разсказамъ объ академіи и о службѣ. Ему, вѣрно, было уже всѣхъ тридцать. Высокій и тоненькій, онъ слегка горбился; это придавало ему нѣкоторую неловкость и дѣлало его еще больше похожимъ на студента.

Обыкновенно серьезный, онъ, къ удивленію Руднева, послѣ обѣда «разошелся», шалилъ съ дѣтьми, шутилъ съ Лизой, задиралъ Петра Антоновича.

Съ нимъ онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, съ огромнымъ уваженіемъ относился къ его образованности, хотя при случаѣ называлъ «Микулой Селяниновичемъ»...

Лиза заговорила съ Рудневымъ о старостѣ и какой-то деревенской работѣ.

— Увы мнѣ!—съ комическимъ ужасомъ вскричалъ Иволгинъ.—Неужели и вы любите деревню?

— Ужасно люблю,—улыбнулась Лиза.

— Что-же вы любите?

— Да все,—Лиза взглянула въ окно.—Люблю лѣсъ, поля, солнце, животныхъ—все...

— Браво, браво, Лизочка! Хорошенько его.

— И... и хозяйствомъ занимаетесь?—комически-боязливо выговорилъ Иволгинъ.

— Не умѣю, да и некогда.

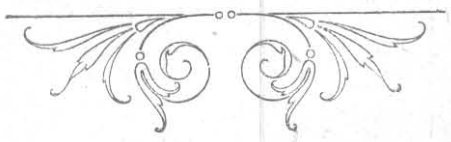
— Слава Тебѣ, Господи! и не учитесь... Плохо будетъ...

Онъ вышелъ на средину комнаты и, трагическимъ жестомъ указывая на Руднева, по-актерски произнесъ:

— Взгляните на этого благороднаго мужа! бросьте взоръ на его мрачное чело! Вы думаете онъ рѣшаетъ міровые вопросы? Какъ-бы не такъ!—уже плутовато закончилъ онъ:—онъ считаетъ, сколько работниковъ выѣдутъ завтра ковырять землю...

— А вотъ и ошиблись, современный Гаррикъ. Я думаю о томъ, что намъ пора и честь знать и отправляться по домамъ. А такъ какъ я обѣщалъ Вѣрѣ доставить васъ къ чаю, то вамъ, будущая всесвѣтная знаменитость по части открытія разныхъ бактерій, придется—увы!—ночевать подъ кровомъ такого дикаря, какъ я...

(Продолженіе будетъ.)



На краю пропасти.

Разсказъ А. С. Луканина.

ИВАНЪ Петровичъ, вы готовы?—заглянулъ въ уборную режиссеръ.

Иванъ Петровичъ апатично оглядѣлъ себя въ зеркало и сталъ прицѣплять шпагу.

— Да, можно начинать,—уныло отвѣтилъ онъ.

Протрещалъ гдѣ-то звонокъ. Изъ-за занавѣса понеслись звуки увертюры. Торопливо разбѣжались со сцены лишніе, не занятые въ первомъ дѣйствіи артисты.

Иванъ Петровичъ, разговаривая съ Борсой, выходитъ на сцену. Нѣсколько незначительныхъ фразъ,—и Ивану Петровичу нужно пѣть балладу.

Ивану Петровичу страшно подумать объ этомъ. Баллада такъ легкомысленно-игрива, такъ безпечно-задорна. А онъ? Ахъ, какъ далеки его мысли отъ блестящихъ красавицъ! И зачѣмъ второй его выходъ—«Риголетто»? Съ какимъ настроеніемъ спѣлъ-бы онъ сегодня Ленскаго! А еще лучше—ничего-бы не пѣлъ. До пѣнія-ли, когда на сердцѣ кошки скребутъ?

Сегодня это вышло особенно нелѣпо.

Марья Николаевна, начиная съ «Фауста», въ которомъ дебютировалъ Иванъ Петровичъ, носилась, какъ грозовая туча. И изъ-за чего? Правда, Иванъ Петровичъ провелъ Фауста слабо, черезчуръ вяло. Публика была къ нему холодна. Его не вызывали; только въ концѣ актовъ—и то не отдѣльно, а «всѣхъ».

Но Иванъ Петровичъ къ этому привыкъ. Онъ никогда не унижался до подслуживанія провинціальной публикѣ и всегда терпѣливо ждалъ, пока та разберется въ собственныхъ ощущеніяхъ. Звуки его сильнаго голоса были мягки, нѣжны,—и, обыкновенно, вначалѣ говорили о немъ, что у него слабый голосокъ или даже совсѣмъ нѣтъ голоса. Ивану Петровичу легко было разубѣдить въ этомъ публику—стоило только сразу-же, съ перваго спектакля, давать рѣзкіе, бѣлые звуки. Артисту, однако, претилъ открытый тембръ и онъ предпочиталъ мириться съ неуспѣшными дебютами, чѣмъ поступиться уваженіемъ къ искусству. Пусть ихъ! Все равно черезъ три-четыре спектакля публика пойметъ, въ чемъ дѣло. Вѣдь, хотя отдѣльно каждый изъ сидящихъ въ залѣ—профанъ, не умѣющій сознательно разобраться въ собственномъ ощущеніи, но въ массѣ—публика рѣдко бываетъ несправедлива къ артисту. Всѣ крошечки пониманія, которыя таятся въ каждомъ, слагаясь, даютъ вмѣстѣ нѣчто цѣлое, хотя и безсознательное. Надо только подождать: инстинктъ подскажетъ толпѣ вѣрное рѣшеніе. А Марья Николаевна никогда не хотѣла ждать. При первой-же неудачѣ она начинала дѣлать мужу сцены, плакать, кричать, что онъ погубитъ и ее, и дѣтей.

Все это было обычно. Иванъ Петровичъ привыкъ къ сценамъ жены и, по внѣшности, спокойно относился къ нимъ. Но сегодня, предъ «Риголетто», случилось нѣчто особенное, до глубины души взволновавшее Ивана Петровича.

Дѣти ложились, обыкновенно, рано. Они пили чай и ужинали вмѣстѣ съ отцомъ и матерью предъ спектаклями.

Ихъ было трое: дѣвочка, шести лѣтъ, и два мальчика—трехъ лѣтъ и полутора года.

Сегодня еще предъ чаемъ Иванъ Петровичъ съ недоумѣніемъ наблюдалъ за женой: видно было, что ей хочется раскричаться, разбить что-нибудь, а, между тѣмъ, она все-таки была странно спокойна и ласкова съ мужемъ. И эта необычная ласковость безпокоила Ивана Петровича больше, чѣмъ брань и крики.

Дѣти поужинали. Марья Николаевна налила себѣ стаканъ чая и положила возлѣ стакана булочку.

— Мама! Дай и мнѣ чая,—попросила дѣвочка.

Марья Николаевна налила ей чая.

— И булочки!—просила дѣвочка.

Марья Николаевна взяла изъ сухарницы булочку и положила предъ дочерью.

— Нѣтъ, дай твою! Я этой не хочу!—капризно сказала дѣвочка.

Марья Николаевна отдала ей свою булочку.

Мальчики, поболтавъ съ отцомъ, хотѣли идти спать. Леночка тоже пошла за ними.

— Что-же ты не выпила своего чая и не съѣла булки?—спросила дочь Марья Николаевна.

— Не хочу,—отвѣтила Леночка.

— Какъ не хочешь? Ты-же просила?

— Не буду.

— Сейчасъ-же ѣшь!

— Не хочу.

— Слышишь? Сію-же минуту! Это еще что такое?

— Оставь ты ее,—вмѣшался Иванъ Петровичъ,—ну, не хочетъ, пусть идетъ спать.

Марья Николаевна вскочила, какъ ошпаренная. Глаза ея лихорадочно заблистали.

— Не смѣй вмѣшиваться! Будетъ съ тебя и Коли... Не позволю портить остальныхъ... Довольно, что онъ зоветъ меня дурой!

Коля, старшій мальчикъ, былъ любимцемъ Ивана Петровича, и, когда Марья Николаевна ругала мужа, бывало, что мальчикъ за отца отвѣчалъ ей: «ты сама».

Услышавъ, что рѣчь идетъ о немъ, Коля прижался къ отцу и большими глазами смотрѣлъ то на мать, то на сестру.

— Такъ ты не будешь ѣсть?—закричала на дочь Марья Николаевна...

— Не буду,—дрогнувшимъ отъ испуга голосомъ отозвалась Леночка.

— Нѣтъ, врешь! Я тебя заставлю!

И Марья Николаевна, схвативъ приготовленную къ спектаклю портупею для шпаги, принялась бить Леночку.

Прежде чѣмъ Иванъ Петровичъ успѣлъ вскочить съ мѣста, нѣсколько безумныхъ ударовъ ремнями уже обрушилось на плачущую и закрывающую рученками отъ ударовъ лицо дѣвочку.

— Довольно! Это уже слишкомъ!—блѣднѣя, заслонилъ собою дочь Иванъ Петровичъ.

Коля тотчасъ-же перебѣжалъ къ нему и сталъ рядомъ съ сестрой.

— Вонъ! Уйди вонъ!—закричала на мужа Марья Николаевна:—мало тебѣ одного? Хочешь, чтобы всѣ дѣти были негодяи, какъ ты? Вотъ,—она указывала рукой на Колю,—вотъ уже одинъ есть... И ее хочешь тоже? Э, пусть она бьетъ мать!

— Успокойся! Никто тебя не бьетъ. Оставь-же ее, пусть она идетъ спать.

— Молчи! Ты мучишь меня самъ!.. Нѣтъ, врешь, не позволю и дѣтямъ издѣваться надо мной!

Леночка, громко кричавшая ранѣе, теперь, тихо всхлипывая, стояла за спиной отца.

Иванъ Петровичъ въ упоръ смотрѣлъ на жену и молчалъ. Лишь при каждомъ движеніи Марьи Николаевны и Леночки онъ поворачивался, заслоняя ребенка.

— Ѣшь сейчасъ! Дрянь!—закричала опять Марья Николаевна и ударила дѣвочку портупеей, чуть не задѣвъ и Коли.

Коля тоже плакалъ и все болѣе жался къ отцу.

— Ты чуть не ударила и его! Какъ тебѣ не стыдно? Только пугаешь дѣтей!—говорилъ, прикрывая Леночку отъ матери, Иванъ Петровичъ.

— Боишься за любимца! Выродки! Всѣ вы, всѣ—выродки!

Младшій мальчикъ, громко плакавшій возлѣ матери, понялъ, что мама ругаетъ всѣхъ и—его,—и перешелъ къ отцу.

Иванъ Петровичъ, съ двумя сыновьями по бокамъ, сталъ, прикрывая Леночку, отступать къ спальнѣ. Но Марью Николаевну не такъ-то легко было заставить отказаться отъ разъ явившейся у нея мысли. То, что Леночка уйдетъ спать, не исполнивъ ея приказанія, казалось ей теперь невозможнымъ. Она готова была на все, лишь-бы не допустить этого. Даже физическая боль не остановила-бы ея. Идея захватила ее всю, какъ захватывала когда-то мучениковъ и подвижниковъ. Все стараясь ударить портупеей Леночку, она преслѣдовала отступающихъ, пока, наконецъ, бѣглецы не дошли до угла слѣдующей комнаты, въ которой были кроватки дѣтей. Леночка спряталась за отца въ уголъ, Иванъ Петровичъ и оба мальчика прикрывали ее спереди.

— Врешь! Выйдешь! Не спрячешься!..

Брань сыпалась и на Леночку, и на упорно молчавшаго Ивана Петровича. Дѣти тихо плакали.

— Пусти ее!—начала наступать уже на мужа Марья Николаевна:—пусти! Иначе я такъ тебя хвачу портупеей, что ты цѣлый годъ изъ дома не выйдешь!..

Но этого Иванъ Петровичъ не боялся. Онъ слѣдилъ за портупеей и при первой попыткѣ готовъ былъ обезоружить жену.

— Что-же, всю ночь будешь стоять тутъ?

Иванъ Петровичъ осторожно, чтобы не замѣтила жена, заглянулъ на будильникъ. Времени еще до спектакля было много, и онъ могъ спокойно оставаться въ осадномъ положеніи.

И онъ отстоялся: Леночка ушла спать не побитая.

Эта новая черта въ характерѣ жены совсѣмъ обезкуражила Ивана Петровича. Раньше—это бывало довольно-таки часто—Марья Николаевна дѣлала сцены ему, ругалась, кричала, бросала вещи, била посуду. Все это относилось къ нему; дѣти были свидѣтелями сценъ, но никогда нападенія Марьи Николаевны не обрушивались на нихъ. Что-же будетъ, если это продолжится...

А, между тѣмъ, на сценѣ дѣйствіе шло своимъ чередомъ, и никому изъ этихъ сотенъ людей, слушавшихъ балладу, не было дѣла до того, что предъ ними—не легкомысленный, живущій только ласками женщинъ герцогъ, а отецъ, страдающій о дѣтяхъ не меньше, чѣмъ Риголетто о своей Джильдѣ. Вѣдь, всѣ они шли въ театръ забыться, развлечься. Быть можетъ, многіе искали въ театрѣ забвенія именно отъ такихъ-же семейныхъ неурядицъ, какія волновали и Ивана Петровича. Такъ зачѣмъ-же имъ унылый герцогъ? зачѣмъ это мрачное, съ болѣзненной, жалкой улыбкой лицо?

УВОЗЪ ТѢЛА ТОВАРИЩА ОТЪ ВРАГОВЪ. Оригин. рисун. **М. Андреева.**

И публика зловѣще перешептывалась во время баллады. А Иванъ Петровичъ, увидѣвъ въ переднихъ рядахъ жену, злобными, полными ненависти глазами смотрѣвшую на него, совсѣмъ смѣшался, забылъ взять дыханіе предъ послѣдней фразой баллады и позорно сорвался на si-бемоль.

— Что съ вами, Иванъ Петровичъ? — участливо спрашивалъ за кулисами маленькій, съ живыми глазами, режиссеръ:— si-то бемоль вы какъ... И съ чего это?

— Эхъ, не до герцога мнѣ, Андрей Ивановичъ! — махнулъ рукою теноръ и пошелъ въ уборную.

Андрей Ивановичъ, по собственной иниціативѣ, вышелъ предъ началомъ второго акта на сцену и заявилъ публикѣ, что артистъ Корецкій, чувствуя себя больнымъ, проситъ снисхожденія публики.

И это было далеко не лишнимъ. Иванъ Петровичъ, хотя и надѣялся, что во второмъ дѣйствіи разойдется, на самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя еще хуже. Самая обстановка дѣйствовала на него угнетающе. Спрятавшись отъ Риголетто, онъ до галлюцинаціи отчетливо припомнилъ выраженіе лица скрывавшейся за нимъ Леночки и вмѣсто того, чтобы готовиться къ пылкому любовному объясненію на сценѣ, глубоко задумался не о призрачной, а дѣйствительной жизни. Сомнѣній не могло быть: Марья Николаевна — нервно больная, истеричка. При всемъ желаніи отыскать логическую связь между ея дѣйствіями — это невозможно. И въ дѣтяхъ, особенно въ Леночкѣ, замѣтны уже слѣды наслѣдственнаго нервнаго разстройства. А это особенно страшно. Для ребенка нужно именно спокойное, примиряющее воздѣйствіе, нужно отсутствіе раздраженій, иначе наслѣдственная нервность быстро помчится по наклонной плоскости. А что-же возможно сдѣлать? Вѣдь, еще съ грѣхомъ пополамъ можно было-бы примириться съ устарѣвшей системой воспитанія дѣтей шлепками и розгами. Все-таки хотя и дурная, но система. Но наши дѣды наказывали дѣтей, какъ судьи, спокойно, съ суровой важностью исполняющаго свой долгъ. А Марья Николаевна? Можно-ль, только взглянувъ на нее, найти въ ея отношеніи къ дѣтямъ что-нибудь, кромѣ ея безтолковой раздражительности? И чего стоитъ одно ея безобразно перекосившееся, злобное лицо? Вѣдь, это — не наказаніе, а развращающая, дикая драка! Съ ожесточеніемъ, съ обнаруженіемъ всего звѣрскаго, что еще таится въ человѣкѣ! Что-же вынесутъ изъ этого дѣти? Презрѣніе къ матери? Разочарованіе, хотя и безсознательное, въ людяхъ? Или, наоборотъ, привыкнутъ къ тому, что человѣкъ — звѣрь?

Самое страшное во время этого для Ивана Петровича было то, что зло казалось стихійнымъ, борьба съ нимъ невозможной. Разводъ? Разбитая семья. И къ тому-же мальчики тогда попадутъ къ Марьѣ Николаевнѣ и погибнутъ. Вопросъ все-таки не рѣшается. Вѣдь, Иванъ Петровичъ и не думаетъ о себѣ. Онъ отказался отъ личной жизни и довольствуется рѣдкими вспышками больной любви. Борьба съ болѣзнью? Леченіе Марьи Николаевны? Но какъ? Разсказывать психіатру всѣ эти семейныя гадости, въ которыхъ даже самому себѣ стыдно признаться? Хотя онѣ-то и составляютъ «исторію болѣзни». Да и какъ заставить Марью Николаевну лечиться? Воспользоваться тѣмъ, что она жалуется на женскую болѣзнь, и вмѣсто акушера привести ее къ психіатру? Но, вѣдь, это быстро обнаружится и результатомъ будутъ еще болѣе отвратительныя сцены! Марья Николаевна и такъ вѣчно подозрѣваетъ во всѣхъ людяхъ ложь, хотя никто не лжетъ столько, сколько она. Убѣдить ее добровольно лечиться? Невозможно. Даже намекъ о нервности выводитъ ее изъ себя.

Иванъ Петровичъ не замѣтилъ, что дуэтъ Риголетто и Джильды уже кончился. Не замѣтилъ онъ, что и Джіованна уже ушла со сцены, что Джильда тянетъ свое высокое sol, во время котораго долженъ вступить герцогъ:

— Герцогъ!.. «Ты любишь». Герцогъ!.. «Ты любишь»...—шепчетъ суфлеръ.

Но Иванъ Петровичъ далекъ отъ того, что происходитъ на сценѣ.

— Иванъ Петровичъ! Вамъ! «Ты любишь»! — чуть не полнымъ голосомъ крикнулъ суфлеръ.

Режиссеръ, уже давно замѣтивъ, что Иванъ Петровичъ не обращаетъ вниманія на ходъ дѣйствія, подошелъ съ другой стороны къ кулисѣ.

— Иванъ Петровичъ! Голубчикъ!.. Вѣдь, Джильда лопнетъ на sol, если вы не вступите!

Иванъ Петровичъ очнулся и, противъ желанія, медленно, а не стремительно, какъ нужно было по ходу дѣйствія, подошелъ къ Джильдѣ.

— «Ты любишь! О, повтори еще слова святыя», — запѣлъ Иванъ Петровичъ и самъ удивился замогильнымъ звукамъ своего голоса.

«Нужно подтянуться!» — подумалъ онъ, но подтянуться не могъ.

Вспомнивъ вступительныя фразы дуэта, онъ хотѣлъ было поправиться на cantabile:

«О, нѣтъ, не вѣрю я, чтобъ въ этомъ сердцѣ
Отвѣта на любовь мою не встрѣтилъ!» —

пѣлъ онъ и тутъ-же почувствовалъ, что перешептывавшаяся при его предыдущихъ фразахъ публика снова стала внимательно слушать.

Молодая, но сразу уже завоевавшая симпатіи публики примадонна, пѣвшая Джильду, знала семейныя неурядицы Ивана Петровича и поняла, что было причиной его невнимательнаго отношенія къ пѣнію и сценѣ. Въ то время какъ онъ въ началѣ дуэта путался и глоталъ фразы, она смотрѣла на него со страхомъ. Но при послѣдней фразѣ—Иванъ Петровичъ видѣлъ это — она просвѣтлѣла и одобряюще-сочувственно взглянула на него.

Иванъ Петровичъ понялъ ея взглядъ.

Увѣренно оглянулъ онъ притихшій залъ...

Хотя Марья Николаевна и дѣлала мужу постоянно сцены, хотя и просила торжественно при мужѣ и дѣтяхъ Бога объ избавленіи ея отъ тирана, но молоденькія и красивыя примадонны, съ которыми Ивану Петровичу приходилось вѣчно обниматься и цѣловаться, всегда сильно тревожили ее. У этой, пѣвшей Джильду, Марья Николаевна сразу замѣтила особое сочувствіе къ Ивану Петровичу и слѣдила за ней особенно тщательно.

Теперь Марья Николаевна, сопоставивъ плохо, безъ выраженія спѣтые номера мужа съ послѣдней фразой, сразу поняла, что публика замерла отъ искренности тона ея мужа.

Ясно. О, они не проведутъ ея!

И Иванъ Петровичъ, взглянувъ на блѣдное, искаженное отъ гнѣва лицо своей супруги, тоже понялъ сразу ея догадку.

«Нѣтъ выше радости, нѣтъ чище счастья
Внимать призыву любви и страсти», —

пѣлъ онъ, а настроеніе, было охватившее его, отлетѣло, и ни страсти, ни любви, онъ чувствовалъ, не было въ его голосѣ.

И насторожившаяся было публика сразу отвернулась отъ него. Отвернулась и ошикала за дуэтъ.

Ошикала!

За что-же?

За то, что паяцъ не имѣетъ права жить самъ, не имѣетъ права любить и ненавидѣть, страдать и мучиться. Къ чему? Пусть ждетъ подходящей роли, соотвѣтствующаго по настроенію мѣста. Пусть помнитъ, что онъ — только паяцъ!

И шиканья, несмѣлыя, начинающіяся, вѣроятно, разразились-бы въ цѣлую бурю. Какой-то студентъ въ райкѣ вспомнилъ заявленіе о болѣзни Корецкаго. Кажется, онъ первый и началъ шикать. Но ему стыдно стало нападать на больного и онъ энергично бросилъ шикающимъ: «тише! молчать!». И все смолкло. Но Иванъ Петровичъ уже былъ ошиканъ. Онъ видѣлъ это за кулисами по выраженію лицъ хористовъ, теперь самоувѣренно и даже снисходительно смотрѣвшихъ на него, по усмѣшкамъ товарищей.

И все-таки нужно было выходить и пѣть. Пусть его не хотятъ слушать, пусть протестуютъ,—онъ долженъ быть веселъ, спокоенъ, игривъ.

А иначе... иначе перспектива заклада всѣхъ цѣнныхъ вещей и переѣзда въ другой городъ. Да когда еще и получишь новый ангажементъ?

Въ головѣ Ивана Петровича быстро неслись мысли о женѣ, о публикѣ, о герцогѣ, о Леночкѣ, — и все это какъ-то перепутывалось, обгоняло другъ друга.

«И какъ, въ сущности, все это ничтожно! — подумалъ онъ, и тутъ-же выскочила фраза изъ партіи: — «что блескъ? что почести? Все такъ ничтожно!».

А любовь? Вѣдь, было-же когда-то, что Марья Николаевна казалась такой чистой, кроткой! Кто могъ подумать тогда, что изъ ея чуднаго ротика польется такая отвратительная брань? Можно-ли было представить тогда ея лицо перекошеннымъ отъ злости?..

«La donna e mobile», — вдругъ вспомнилъ онъ Мазини.

Да, Мазини чудно поетъ это. И никто не понимаетъ, что вся прелесть его исполненія не въ блестящихъ каденцахъ, а въ глубокой продуманности, въ томъ игривомъ презрѣніи, въ прошедшемъ черезъ пессимизмъ легкомысліи, которыя придаетъ артистъ этой вульгарной пѣсенкѣ.

И вдругъ Ивану Петровичу эта пѣсенка освѣтилась еще шире и глубже, чѣмъ онъ понималъ ее.

Вѣдь, и публика — такая-же женщина, легкомысленная, злая, готовая летѣть come piuma al vento, готовая сжечь все, чему поклонялась, поклониться тому, что сожгла.

И можно-ли обращать серьезное вниманіе на всю нашу жизнь? Не правъ-ли этотъ герцогъ, ловящій моменты? Разъ нельзя взять цѣлое, то не лучше-ли его составить по частичкамъ?

Выйдетъ мозаика. Но на нѣкоторомъ разстояніи получится иллюзія.

Вѣрно то, что и публика, и женщины, и сама жизнь, — все è mobile, измѣнчиво.

И публика опять сразу насторожилась, когда Иванъ Петровичъ вышелъ пѣть canzone. Она почувствовала, что онъ хочетъ что-то сказать ей важное, что-то такое, чего она еще не знаетъ.

Сканирован редуктором rutracker.org

А онъ хотѣлъ сказать ей то, что онъ пережилъ, онъ хотѣлъ выложить ей свое разочарованіе жизнью.

Поняла-ли она?

Едва-ли! Она и шумѣла, и апплодировала, и кричала bis, все потому, что хотѣла схватить то непонятное, что слышала въ его тонѣ.

А онъ бисировалъ и, смѣясь надъ публикой, каждый разъ прибавлялъ новую и новую каденцу. Онъ зналъ ихъ много. У него была колоратура. Чего-же жалѣть?

Но довольно. Онъ не хочетъ больше пѣть: все равно будутъ думать, что имъ понравились каденцы. Напрасное стараніе понять причину его успѣха! Имъ «нравится», больше они ничего не поймутъ. И даже этотъ рецензентъ во второмъ ряду свирѣпыми глазами пожирающій пѣвца, не скажетъ имъ ни чего, кромѣ пустыхъ и глупыхъ, претендующихъ на ученость фразъ.

Во время квартета Иванъ Петровичъ украдкой взглянулъ на жену.

Она сидѣла важно, самоувѣренно. Казалось, она сейчасъ крикнетъ:

«Посмотрите-жъ на меня! Вѣдь, я — его жена!»

И изъ-за нея онъ былъ на краю пропасти!

КОНЕЦЪ.

Элегія.

Тихъ этотъ вечеръ торжественный, ясный,
Плавно на землю ложится роса;
Ночи лампада — блестящій, прекрасный
Мѣсяцъ восходитъ, плыветъ въ небеса.
Глядя на ясность прозрачной лазури,
Можно-ли думать о близости бури?

Сердце спокойно и ровно такъ бьется,
Мукъ и волненій не знаетъ душа;
Кровь беззаботно, безтрепетно льется,
Будто въ забвеньѣ, струясь не спѣша.
Чувствуя сладость покоя и счастья,
Можно-ли ждать рокового ненастья?..

Т. Киселевъ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Предъ сожженной японцами деревней. (Къ рис. на стр. 225.) Японцы отступали. Тѣснимые казацкими отрядами, они спѣшно шли къ виднѣвшейся вдали китайской деревнѣ, думая тамъ, спрятавшись по фанзамъ, задержать наступающій русскій отрядъ, но мѣткія пули казаковъ находили японцевъ и въ деревнѣ, и вотъ, чтобы такъ или иначе спастись, японцы подожгли деревню, и этимъ, конечно, разорили нѣсколько семей ни въ чемъ неповинныхъ китайцевъ. Багровое зарево окрасило небо, столбомъ поднялось пламя съ дымомъ и скрыло собой успѣвшихъ уйти изъ деревни японцевъ. Съ сожалѣніемъ смотрятъ русскіе молодцы на горящую деревню, смотрятъ, какъ изъ дома къ дому перебѣгаютъ жители, жалобно крича о помощи. Но какъ имъ поможешь? Сухія деревянныя постройки сразу всѣ охвачены огнемъ и съ трескомъ горятъ. Жалко казакамъ бѣдныхъ китайцевъ, жалко ихъ сгорѣвшій скарбъ, ихъ обездоленныхъ дѣтей и женъ, и въ груди казаковъ поднимается гнѣвъ противъ коварнаго врага, несчастьемъ другого спасающаго свою жизнь.

За стиркой. (Къ рис. на стр. 231.) Стирка—стиркой, а молодость—молодостью. Играетъ молодая кровь, несмотря на тяжелую работу, несмотря на охлаждающую воду, несмотря на сердитый вѣтерокъ. Пожалуй, даже всѣ эти условія не только не охлаждаютъ, а еще болѣе разгорячаютъ молодую красавицу. Руки работаютъ, голова думу думаетъ, а взоръ въ ту сторону устремляется, гдѣ скрывается милый. И крѣпко-крѣпко выжимаютъ руки чистое бѣлье, а уста красавицы въ это время какъ-бы говорятъ: «вотъ и его эти руки такъ-же крѣпко обнимать будутъ, дождаться-бы только времячка, когда это можно будетъ!».

Дѣвушка съ лиліями. (Къ рис. на стр. 233.) Какъ хороши, какъ красивы эти водяные цвѣты! Какъ хороши ихъ бѣлые лепестки съ золотистыми внутри тычинками! Дѣвушка набрала ихъ и поставила въ вазу, наполненную водой. Почуявъ свою родную стихію, цвѣты ожили, открыли свернувшіеся было лепестки, вытянули свой стволъ и радуются, что они опять могутъ жить, могутъ любоваться и яснымъ солнцемъ, и синимъ небомъ. А дѣвушка! Какъ мила она въ своемъ нарядѣ! какой контрастъ представляютъ ея черные, какъ вороново крыло, волосы съ бѣлоснѣжными лепестками дѣвственно-чистыхъ лилій! Какъ гармонично слились эти два существа между собою, и кажется, разъединить ихъ, и оба они потеряютъ свою красоту, которую они дополняютъ теперь взаимно!

На лѣсной дорогѣ зимою. (Къ рис. на стр. 239.) Снѣгомъ запорошило всѣ канавы, всѣ проталинки, глубокія колеи покрыты пушистымъ бѣлоснѣжнымъ ковромъ. Деревья, снявъ свой лѣтній зеленый уборъ, нарядились въ серебристый иней и мирно спятъ подъ тихое завываніе вѣтра. Мертвая тишина въ лѣсу зимой, и лишь дорога, проложенная среди уснувшихъ деревьевъ, иногда оживляется, оживляется, когда по ней протащится деревенская лошадь съ возомъ хвороста или промчится лихая тройка съ подвязаннымъ подъ дугой колокольчикомъ. Гулко продребезжитъ колокольчикъ среди тишины и, замирая въ отдаленіи, унесетъ съ собою оживленіе лѣсной дороги, на которой вновь наступаетъ тишина. Развѣ заяцъ выскочитъ изъ чащи или бѣлка пронесется по верхушкамъ деревьевъ и на минуту оживятъ унылый пейзажъ занесенной снѣгомъ дороги, на которой такъ томительно скучно и такъ томительно тихо. Все это передаетъ нашъ рисунокъ, на который мы въ особенности обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, ибо онъ представляетъ собою воспроизведеніе фотографіи, снятой съ натуры. Недавно еще, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нельзя было предположить даже, чтобы фотографъ могъ выбрать такія мельчайшія детали и передать ихъ на пластинку съ такой жизненностью, съ какой не передать ихъ и кисти художника.

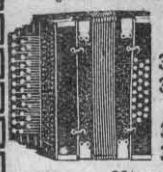
Масляничное гулянье въ Петербургѣ въ концѣ XVIII вѣка. (Къ рис. на стр. 241). Все измѣняется съ теченіемъ времени въ жизни. Еще очень недавно масляничныя гулянья въ Петербургѣ были совсѣмъ такими-же, какъ и изображенное на нашемъ рисункѣ гулянье въ концѣ XVIII вѣка. И горы устраивались такія-же, и балаганы съ выходящими на балконы паяцами, и перекидныя качели, и торговцы разные шныряли между публикой такіе-же, и такъ-же богатые люди выѣзжали прокатиться мимо гуляній въ собственныхъ саняхъ «на народъ посмотрѣть»; разница была лишь въ одеждахъ да въ обмундированіи солдатъ и полицейскихъ, не было вотъ и париковъ съ косами. Не то теперь. Учрежденное съ введеніемъ казенной винной монополіи с.-петербургское городское попечительство о народной трезвости облагородило народныя гулянья. Были устроены народный домъ и театры въ заводскихъ раіонахъ города, въ которыхъ ставятся для народа оперы, драмы и комедіи. Балаганы и вообще гулянья въ томъ видѣ, какъ они были прежде, болѣе съ тѣхъ поръ не существуютъ.

Увозъ тѣла товарища отъ враговъ. (Къ рис. на стр. 249.) На развѣдочной службѣ въ настоящую войну особенно отличаются дагестанцы. По-двое, по-трое они отправляются въ тылъ японской арміи, для того чтобы осмотрѣть непріятельскія позиціи и о результатахъ донести по начальству. Но не всегда проходятъ безнаказанно для дагестанцевъ ихъ рекогносцировочные набѣги. Случается, что они попадаютъ на отряды японцевъ, которые, конечно, начинаютъ преслѣдовать нашихъ смѣльчаковъ. На рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 249, изображена одна изъ подобныхъ сценъ. Два дагестанца встрѣтились съ коннымъ разъѣздомъ японцевъ. Чувствуя за собой силу, японцы начали стрѣлять, и одинъ изъ дагестанцевъ былъ убитъ; другой, вмѣсто того, чтобы поскорѣе скрыться, подобралъ своего товарища, положилъ его поперекъ сѣдла, прихватилъ и лошадь убитаго, чтобы ничего не осталось врагу, и, дико гикнувъ, помчался въ сторону расположенія своихъ войскъ. Лихо мчатся бойкіе кони, и не догнать ихъ японцамъ, уже начавшимъ отставать. Радуется сердце дагестанца, что не отдалъ онъ на поруганіе врагу своего убитаго товарища, что привезетъ онъ его на свои позиціи и похоронитъ тамъ безвременно погибшаго героя среди своихъ войскъ, хотя и въ чужой землѣ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

ГАРМОНІИ
ВѢНСКІЯ
СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
УГЛЫ, МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ
2 хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 б. 12 б.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
16 р. 20 р. 24 р.
8 б. 10 б. 12 б.
и дороже.
Самоучитель 1 р.
ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ
СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
31 клап. 12 бас. 26 р.
36 клап. 12 бас. 30 р.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
31 клап. 12 бас. 35 р.
31 клап. 18 бас. 42 р.
36 клап. 12 бас. 42 р. 36 клап. 18 бас. 50 р. 36 клап. 24 бас. 65 р.
Самоучитель 1 руб.
РОЯЛЬНЫЯ
съ мѣдными планками
ОДНОРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р. 12 р. 13½ р. 15 р.
СТАЛЬНЫЯ ГОЛОСА
17 р. 20 р. 23 р. 28 р.
ДВУХРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
20 руб.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА 30 РУБ.
по полученіи задатка 1/8 стоимости
высылаю съ наложен. платежемъ.
И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛ. ИНСТРУМЕНТОВЪ
прейсъ-курантъ безплатно.

Ручной мѣсильникъ для
ДОМАШ. ТѢСТА
приготов. всякаго рода тѣсто
въ 3 минуты.
Не треб. ни умѣнья, ни силы.
Прейсъ-кур. съ рецептами — по требованію. 145
КОНСТ. МАЛЬМЪ
С.-Петербургъ, Морская, 34.

ПЕРУИН ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ 1 р. 75 к.

ВѢРНОЕ, РАДИКАЛЬНОЕ, БЫСТРОДѢЙСТВУЮЩЕЕ
средство для массоваго истребленія
КРЫСЪ и МЫШЕЙ
безъ отравы, безъ прививокъ, безъ хлопотъ. 146
Наставленіе высылаетъ безплатно
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ,
СПБ., Морская, 34

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.
поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 28.
Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

Покорнѣйше просимъ обращать вниманіе на наше фабричное клеймо.

Послѣднее время на рынкѣ стали появляться говорящія машины самыхъ разнообразныхъ сортовъ, производители которыхъ не стѣснялись называть ихъ «Тонармами», въ подражаніе нами изобрѣтеннаго и пущеннаго въ продажу типа граммофоновъ, подъ названіемъ „Тонармъ“.

Такъ какъ по законамъ Россійской Имперіи заимствованіе названія не считается контрафакціей, то мы юридически не вправѣ запрещать кому-бы то ни было употребленіе этого наименованія.

Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе нареканій и недоразумѣній, считаемъ долгомъ довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что единственными настоящими и обладающими всѣмъ извѣстными своими высокими качествами „Тонармами“ слѣдуетъ исключительно считать „Тонармы“, производящіеся нашей фирмой, причемъ всѣ наши аппараты снабжены нашимъ фабричнымъ клеймомъ

„Пишущій Ангелъ“.

Акціонерное О-во Граммофонъ
С.-Петербургъ, Морская, 49.

157

Покорнѣйше просимъ обращать вниманіе на наше фабричное клеймо.

CONSTIPATION
PILULES DE
CASCARA
MIDY Midy
ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО ОТЪ ОБЫЧН. ЗАПОРА
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производятъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.
ОРГАНЫ
СКЛАДЪ и ФАБРИКА
ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С^МИ
С.-Петербургъ, Садовая, № 38.
Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218
ГРАММОФОНЫ
цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

N. 4711.
О-ДЕ-ЛИ
(Eau de Lys.)
БѢЛАГО, РОЗОВАГО И ЖЕЛТАГО
ЦВѢТОВЪ
всѣми признанное превосходное туалетное средство для мытья лица, для сохраненія свѣжести, молодости и для устраненія веснушекъ и всѣхъ нечистотъ лица.
ЛИЛЕЙНОЕ
МОЛОЧНОЕ
„МЫЛО“
savon au lait de Lys
ЧРЕЗВЫЧАЙНО НѢЖНОЕ
очень рекомендуемо для достиженія
БѢЛОЙ и НѢЖНОЙ КОЖИ.
Единственный фабрикантъ
ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ
Кельнъ н./Рейнѣ и Рига.
Поставщикъ Двора
Его Императорскаго Величества.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ пирес. и 25 коп. съ пересылкой.

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.
БАНКА 1 р. 90 к.

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра:
ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ
К. Ю. ЭРНСТА. Москва. Б. Никитская № 11.
Руководство къ самообученію 2 р. 50 к

Сенсаціонная новость
АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ
ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА
ВЪ ВИДѢ ВЗБОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА
Savon Brésilien da-Costa
Rio-de-Janeiro. —Paris. —Londres.
МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.
Неподдѣльныя коробки снабжены маркою „Звѣзда“, какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.
Коробка 75 к.—Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к. 3 кор. 2 р. 85 к.; 6 кор. 5 р. 10 к.—Русскія описанія безплатно.
ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА
Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.
С.-Петербургъ Владимірская, 8.

Сканировал redukorer track.org